

16+

Мишель Рут

Магия

и прочие приключения

Мишель Рут

Магия и прочие приключения

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Рут М.

Магия и прочие приключения / М. Рут — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Сплетаются магические нити, образуя землю, воздух, людей и всё сущее.
Сплетаются, перепутываются судьбы: церковный дознаватель ищет и
уничтожает ведьм, ведьма хочет жить и ни с кем не считается на пути к цели.
И только простому студиозу до поры казалось, что плутовство и приключения
– это весело...

Содержание

Часть 1. Переплёт	6
Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

«У крота есть удивительное свойство, как говорят философы. Если завернуть его ножку в лавровый лист и положить в рот лошади, она убежит от страха»

«О свойствах трав, камней и животных», Альберт Большетедтский, 13 век

«Некоторые учёные говорят: имеются на свете три существа, которые как в добре, так и во зле не могут держать золотой середины: это – язык, священник и женщина»

«Молот ведьм», Я. Шпренгер и Г. Инститорис, 15 век

«Да будьте вы прокляты все, ...!»

Неизвестная ведьма, любой век

Часть 1. Переплёт

Пролог

1.

Пламя свечи трепетало, словно в ужасе от тех сцен, которые ему пришлось освещать. В сыром каменном подземелье находились четверо. Один лежал, растянутый цепями на жестком щите, обитом кожей, тяжело дышал и почти не шевелился. Его окружали сложные конструкции из стали и дерева, от одного взгляда на которые начинали ныть руки, ноги, пальцы и все части тела, которые здесь изошрённо увечились. Двое других людей, крепкие ребята, сидели у стенок и, ничуть не страшась обстановки, смачно жевали: работа есть работа, а полдник – святое дело. Четвертый мужчина, сутулый, худой, стоял у стола в глубокой задумчивости, глядя на протокол допроса, и мял в руках перо. Неровно обрезанные волосы раздражающе лезли в глаза.

Наставник-дознаватель знал свое дело. У него говорили все – и государственные изменники, и преступники, и даже колдуны, проклятые служители Дьяволицы, даже они уступали священной силе Церкви и начинали рассказывать правду. Только в этот раз правда была какой-то странной. Колдовская вещица, могущество...

– Наставник Тидер, продолжать? – мрачно спросил один из помощников. Второй сыто рыгнул, подтверждая готовность к действию.

Сутулый прикрыл глаза и мотнул головой. Чутье подсказывало бывалому «пауку», что он выжал из допрошенного всё, что мог. Да и старая рана ныла, под правой ключицей, где когда-то засел наконечник разбойничьей стрелы. Теперь всегда ноет, когда дознание затягивается, а ведь уже... уже вторая свеча догорает – две свечки промаялись...

– Хватит, – приказал он. – Мелкая рыбка, больше ничего не знает. Унесите его. Валц, протокол допроса отдашь Арестису, и приступим к поискам. Дьяволицыны артефакты не должны попасть в руки отступников и врагов нашей святой Церкви.

Под ключицей еще немного поныло и отпустило.

2.

Маг неподвижно сидел посреди своей лаборатории. Закрыв глаза, он словно внимал чему-то неслышному. Свет от жаровни бросал красные отблески на его тяжелые черты лица и ёжик темных волос. Полной ему противоположностью вела себя помощница – она то быстро обходила комнату с курильницей в руках, то подсакивала к небольшой статуэтке в углу и умащивала ее маслами. Наконец маг открыл глаза и со стоном растянулся на подушках.

– Йера, – скомандовал он, – целительный настой мне.

Девушка с готовностью протянула ему кувшин.

– Что-нибудь новенькое, да, Крес? – спросила она мага.

– О да, – тот довольно ухмыльнулся. – Помнишь того наставника, которому я загнал свою стрелу под ключицу? Он так и не смог вытащить наконечник. И теперь я знаю, чем он занимается, в любую минуту, как только пожелаю.

Девушка уместилась рядом на подушки и заинтересованно накручивала на палец темные пряди волос.

– Ты величайший маг современности, – искренним тоном заметила она. – Тидер – Жнец Второго круга Нимуанса, и теперь нимуанская Церковь не застанет нас врасплох.

– Умница. Но и это еще не все сюрпризы на сегодня. Тидер изловил помощника Моннера...

– Моннер – маг-отшельник, мастер артефактов? – уточнила Йера.

– Он самый, – кивнул Крес. – Оказывается, этот чудак не сгинул при прошлом очистительном рейде, а спрятался ото всех, в далекой глуши, чтобы завершить дело всей своей жизни – создать Грань Магов... И создал.

– Может, врёт? Это прорыв большой, чем изобретения Пряхи...

– Под пытками не врут. Тидер схватил его ученика, что-то выпытал, что-то додумал, и теперь хочет первым найти наш бесценный артефакт. Ну, что ты приуныла?

Йера прищурилась.

– Потому что я догадываюсь, кому придется бороться с наставниками и прочей дрянью.

– Совершенно верно, девочка. Я поручаю тебе раздобыть Грань Магов. Ты немалому научилась за последнее время, дело несложное. А когда ты вернешься, мы наконец сможем исполнить мою заветную мечту. Ну и твою, конечно. – Он ухмыльнулся и потрепал по голове хмурую помощницу.

– Дело несложное? – Йера вскочила, стиснула кулаки. Крес не шелохнулся. – Да там будет свора наставников! «Жнецы»! А если меня до сих пор не забыли...

– Ты не хочешь ехать? – голос мага похолодел. Йера прикусила губу.

– Я не представляю, как выполнить это задание.

Крес вскочил на ноги, вскинул ладонь, и Йера оказалась на полу, словно скрученная невидимыми верёвками. Пальцы мага шевелились в воздухе, и от каждого их легкого движения тело ведьмы дергалось от боли.

– Ты придумаешь, как. Я воскресил тебя, ты – моя раба, а глупые и нерадивые рабы мне не нужны. Больно? Запомни этот урок, где бы ты ни находилась...

Он помедлил и опустил руку. Ведьма ещё мгновение лежала, затем упрямо села и уставилась на мага пустым взглядом.

– ...ты будешь исполнять любую мою волю.

3.

День выглядел празднично – небо приветливо голубело, солнце сияло, согревая каждый холм и каждое деревце в перелесках. Сочная весенняя трава на лугах радовала глаз. Правда, то там, то сям свежую зелень разрывали чёрные, выжженные проплешины. Выглядят недавними, хотя им немало лет. Раны, нанесенные магией, долго не заживают, даже если это раны на шкуре земли.

Они вернуться сюда. Обязательно.

– Ведь ты знаешь, Моннер, – пробормотал он, обращаясь к самому себе, – Церковь не прощает и не забывает.

Его помощники схвачены. Наставник-«жнец» уже близко, а значит – жизнь окончена. И весь её труд...

Почувствовать напряжение, пронизавшее воздух, мог бы только колдун, но не простые люди. Живое тому доказательство – по утопанной дорожке через поля идёт какой-то паренёк и весело насвистывает песенку.

Интересно...

Моннер прищурился, больше по привычке – магия безупречно обострила зрение. Навстречу ему шел почти мальчишка, хорошо если два десятка лет прожил. Мантия студиоза – видно, странствует во время каникул. Потрепана, значит, небогат и давно в пути, даже и не разберёшь, какой знак факультета на ней вышит. Русые волосы сильно отросли и торчат во все стороны, лицо простое, но умное.

Старик ещё более усилил зрение. Да, живые карие глаза, тонкость в выражении лица, которую может дать сочетание образования и природного авантюризма.

Подойдет.

Глава 1

Йан, весело насвистывая, шагал по большому зеленому полю. Полуденное солнышко припекало, но не сильно, карманы были почти пусты, зато ум ясен. Только что он обдумывал концепцию: «где я, там и центр мира». Пропустят ли её на диспут в родном универсуме? «Вряд ли, моя мысль слишком смела для них». Он был не прочь себе польстить.

Внезапно Йан остановился как вкопанный. Перед ним, словно из воздуха возник, оказался старый, сгорбленный отшельник. Полная противоположность жизнерадостному Йану – мрачный, словно прокопченный дымом своих лампад, с запущенной бородой, которая растёт только у жителей дальних западных стран. Он оперся двумя руками на посох и уставился на Йана пристальным взглядом. Наконец старик понял, что вышито у мальчишки на мантии – книга и святой знак. Богослов! Но поздно, поздно отступать. Ладно, тем забавней.

– Далеко идешь? – скрипуче произнес отшельник.

– Странствую, – осторожно ответил Йан.

– Студиоз?

– Да.

– Значит, нам по пути. Пойдем вместе. – Старик повернулся и неспешно захромал вперед по тропинке, ничуть не сомневаясь, что юноша последует за ним.

По полю там и сям были разбросаны зловонные бурые подпалины. Обычный огонь таких не оставляет. Похоже, здесь когда-то пытались схватить колдунов. Десяток обгорелых пеньков, бывших когда-то рожицей, усиливали подозрение. Йан хотел расспросить монаха, который все так же молча шел впереди, но не успел – они резко свернули с дороги.

– Пришли, – коротко сказал старец, останавливаясь у невысокого холма. В склоне чернела круглая нора, большая, почти в человеческий рост. Отшельник нырнул внутрь, во тьму, прошуршал чем-то, и в глубине замерцал огонек. Йан, пригнувшись, тоже вошел в землянку. Похоже, старец здесь жил: посреди утоптанного земляного пола был выложен круглый каменный очаг, к стене крепилась лампадка, в которой и горел огонек. Возле очага лежала небольшая груда тряпья, и больше в землянке ничего не было.

Молчание затянулось.

– Все же можно узнать, зачем я здесь? – поинтересовался Йан. Вместо ответа старец выудил из груды тряпок небольшой ножик. С виду костяной, тонкая резьба. Красивая безделица с ярмарки, но серебряного нимесня не стоит.

– Не впечатляет, – прокомментировал студиоз.

– Сначала выслушай, зачем ты здесь, – ворчливо передразнил старец. – Эту вещь нужно кое-кому передать. Запоминай место: город Марцих, улица Веселых Кузнецов, пятый дом. Мастеру Юльриху лично в руки. За доставку он хорошо тебе заплатит.

– Насколько хорошо?

– Сто карелей. Золотых.

Йан с сомнением уставился на ножик.

– За такую безделицу – и столь щедрая оплата? В чем подвох, старец?

– Зови меня Моннер. Мне осталось недолго жить, и это мой подарок другу на память.

– Врёшь.

Старик пожал плечами.

– Ну и катись. За эти деньги найдётся много не таких подозрительных.

Он махнул рукой в сторону выхода.

Йан замялся. Незнакомый старикан хочет использовать его втемную, но насколько велик риск? Может, удастся обглодать наживку и уйти с прибылью? А она нужна...

Старик цепким глазом углядел борьбу на лице Йана, и, не давая тому подумать, потребовал:

– Повтори-ка адрес!

– Город Марцих, улица Веселых Кузнецов, пятый дом. Мастеру Юльриху лично в руки.

Но почему именно мне, первому встречному?

– Потому что ты не лучше и не хуже других. От гонца мне требуется только одно: чтоб были у него время и силы добраться по адресу. У тебя все это есть.

– А где гарантия, что мне заплатят? И всё же, чем эта вещь так ценна, с виду простой ножик...

– Дорого как память, – старик усмехнулся. Это выглядело слегка зловеще. – Мой друг Юльрих когда-то оставил этот нож мне на хранение. Я ведь не всегда был отшельником, и в память наших прошлых дней... Но силы мои на исходе, и конец моих дней уже близок, а друг так и не посетил меня вновь. Вот я и передаю последнюю весточку о нашей былой дружбе.

Старик картинно вздохнул, увидел, что студиоз не проникся трогательной историей, и сменил тон на деловой:

– Я дам тебе записку к нему и задаток – десять карелей. Мастер Юльрих на месте вознаградит тебя сполна. Ну что, берешься за дело?

Задаток был хорош. Йан прикинул, что денег у него ровно нисколько, более легких заработков не предвидится, а до начала учебного семестра он как раз успеет...

– Теперь бери его и ступай. Скоро полдень, и мне нужно молиться.

Гонец так гонец. Не самая плохая работа для студиоза на каникулах, и однозначно лучше, чем рытьё ям и сбор ветоши. Йан взял в руки коротенькую записку: «Друг мой, надеюсь ты здоров и цел. Передаю тебе вещь, изящество которой равно внутреннему смыслу – используй её теперь ты для своих добрых нужд», и ножик – тонкий и лёгкий, покрытый искусной резьбой из пересекающихся линий. Бережно уложил в самый надёжный внутренний карман. Туда же отправились десять монет с королевским профилем.

– Адрес запомнил? Ну-ка повтори! – опять потребовал старец. Йан послушно повторил. Чего тут запоминать-то, в универсуме их заставляли наизусть зубрить толстенные фолианты.

– А теперь – в путь. Да хранят тебя горние силы, – сказал старец, и вывел студиоза из своей землянки.

Опершись о склон холма, он проводил взглядом парнишку. Может, Дьяволица в этот раз будет более благосклонна... Он неспешно вернулся в землянку, подлил масла в лампаду и вытянулся на тюфяке. Он ждал.

Солнце успело склониться к закату, когда старец наконец услышал голос, мощный, усиленный магией:

– Моннер! Мы знаем, что ты здесь – выходи, или гнев Вершителя испепелит тебя!

Старик не шелохнулся, только усмехнулся в густую бороду.

– Считаю до десяти! Если не появишься, пеняй на себя!

Монах закрыл глаза и сложил руки на груди. Никуда выходить он уже не собирался.

***

Гвардейцы оцепили деревню. Они свысока взирали на сиволапых крестьян, поигрывая пиками и саблями, но сами с опаской следили за «паучьей» братией. Монахи стояли вокруг холма неплотным кольцом. Их простые рясы из некрашеного полотна и суровые лица свидетельствовали, что слуги Вершителя собрались не для хоровода. Ни свежая зелень, ни пение птиц в голубых небесах не могло их отвлечь – все взгляды были прикованы к земляному холму с зияющей норой. Оттуда не доносилось ни звука, ни шороха.

Тидер не стал тратить слова на долгие уговоры. Как показывал его немалый опыт, слуги Дьяволицы не сдаются. Жестом он приказал гвардейцам отступить подальше, оставляя только

монахов. Мысленно скривился. Низшая ступень Ордена Паука, ещё толком не освоили управление Даром, но в спешке пришлось брать тех, что оказались поблизости.

– Во имя торжества справедливости – нет пощады виновным! Нет прощения тому, кто использовал Дар против святой Церкви! В круг, братья, – скомандовал Тидер. – Сплетайте вокруг холма защитную сферическую сеть, радиус четыре роста, густота... для начала семь пунктов. Если будет мало, нарастите.

Монахи слаженно развели руки, выполняя команду.

Тидер единственный остался внутри сферы, лицом к норе колдуна. Вытянув правую руку, коснулся невидимых «нитей»... И тут же вокруг холма кольцом полыхнуло пламя. Земля пошла глубокими трещинами.

– Эффектно, но слабенько, Моннер. Не против меня.

Теперь Тидер вскинул левую руку. На ладони чернел узкий шрам в форме серпа. Опять он единственный «жнец» на всю округу...

Из шрама вырвался яркий луч золотого света, пробежал по рвущейся трещинами земле до холма. Тидер прищурился и начал методично, будто нарезаая хлеб на доске, полосовать горящий холм золотым лучом.

С каждым взмахом ладони пламя опадало, рытвины перестали расползаться, как змеи. Ободренные монахи сомкнулись плотнее, кто-то в запале подбежал слишком близко – и словно взорвался изнутри. «Жнеца» это не отвлекло.

Вскоре истерзанный холм наконец утих. Тидер сжал левую руку, гася божественный луч, правой чутко прощупал незримую, весьма потрепанную теперь ткань мира.

– Мы победили, братья. Снимайте сферу.

Сзади подбежал адъютант, черноусый краснощёкий крепыш.

– Это всё? – прошептал он.

Тидер нахмурился.

– Да, Вальц, всё, как ни странно. Признаюсь, я ждал большего... Опроси-ка гвардейцев из оцепления, не видали ли они кого подозрительного. Братья, обыскиваем логово колдуна!

***

Марцих, Марцих... Про этот город он слышал во время обучения в универсуме. Вроде бы даже был у медиков паренек оттуда. Марцих – большой торговый город в Ваймере, соседнем королевстве, богатый и славный. И не слишком далеко, за два месяца каникул можно гуляючи добраться до места, промотать денежки и вернуться. А разгуляться есть где – огромная ярмарка, бродячие театры... Есть и свой универсум. А где универсум, там и студии – то есть бурные гулянки в трактирах и на улицах, драки, девчонки. Сто карелей заманчиво засверкали в сознании.

Конечно, дело сомнительное. Дешевенький ножик, большая награда. Но, подсказывало чутье, просто шутки ради старец задаток бы не дал – даже на десять карелей можно год прожить. Или месяц шикарно погулять. Что-то здесь не просто так. А встревать в разные дела Йан любил – на то и молодость.

Рассудив таким образом, Йан прибавил шагу – впереди была деревня, а время уже как раз полудневничать.

Навстречу Йану двигались два всадника. Сначала он не обратил на них внимания. Что может понадобиться гвардейцам от нищего бродячего студюоза? Разве что поиздеваться от скуки. Но лица у всадников были хмурые и озабоченные.

– Стоять! – крикнул один из них, перегораживая Йану дорогу.

– День добрый, – вежливо ответил Йан. Не то чтобы он любил гвардейцев наместника – даже наоборот, но нарываться не стоило. – Чем могу помочь?

– Ступай за нами, и не дергайся. Этим поможешь.

– Зачем? – Йан сделал малюсенький шагжок назад.

– Молчать! Берись за стремя и топай, а не то поволочем на веревке! – недружелюбно пригрозил первый гвардеец. Похоже, он был главным – более грузным и крикливым. Второй, худой и молчаливый, зыркавший по сторонам, отставил свое грязное и ржавое стремя и прогундосил:

– Дороги перекрыты, никому хода нет. Приказ Церкви.

– А может, разойдемся? – с надеждой спросил Йан. Расставаться с карелями не хотелось, но касаться стремени и вообще идти со стражниками неизвестно куда и зачем не хотелось еще сильнее. – Я тут на дороге пару нимесней потерял...

Первый всадник насмешливо фыркнул.

– ...или даже пол-кареля, – сокрушенно, будто последнее отрывает, добавил Йан.

Гвардеец помолчал несколько ударов сердца, затем покачал головой и наставил на Йана пику.

– Молчать! Это приказ! Ну?

Йан прикинул, чем он рискует. Стража – народ грубый, к ним лучше не попадаться даже невинному, вырвешься не скоро, без зубов и без денег. А грешки за Йаном водились... Узнавать, с чего вдруг слуги короля и наместника обрели такую необычную устойчивость к деньгам, Йан не стал. И резко, с места в карьер, перескочил через придорожную канаву.

– Сто-ой! – завопили вслед.

У Йана был большой опыт по части удиранья – по городской околице студиозов гоняли чуть не каждый месяц. А что делать, в городе всё дорого, а тут бесплатно репа растет, и наглые жирные утки гуляют где ни попадя... В общем, практика большая. И даже кое-какие фокусы про запас. Пробежав немного, он резко затормозил, и гвардейцы, щедро пришпорившие коней, пронеслись мимо. Пока они с руганью разворачивались, Йан выхватил из обширного кармана форменной мантии узелок, набрал полную грудь воздуха, развязал, зажмурился и встряхнул платок перед приближавшимися мордами коней. Те заржали, заупрямились, конь старшего наподдал задом и сбросил седока. Сами всадники закашлялись и растерялись, Йан же, не оглядываясь, кинулся в кусты, и спустя несколько ударов сердца пропал из виду.

– Вот же гаденыш! – ругался тощий гвардеец, протирая глаза и чихая. – Шипящую сумесь на нас вытряхнул, Дьяволицын выкормыш! В городе бы его за это...

– Месяц бы дороги мостил! – авторитетно заявил старший гвардеец, тяжело поднимаясь с земли и отряхиваясь. Затем, понизив голос, уныло произнес: – Ну и где его теперь искать? Наставник Тидер нас разорвёт.

Второй гвардеец молча кивнул.

***

Поиск дал неутешительные результаты. Лампадка для обрядов, подстилка из соломы, которую тщательно переворошили, ряса... За холмом пепелище, как будто там долго жгли что-то, в золе комки металла...

Тидер мельком глянул на один комок и скрипнул зубами. Проклятый старик, Дьяволицыно отродье, успел уничтожить свою мастерскую и все инструменты, а сами артефакты куда-то припрятал.

Миска, кружка, ложка, нож... ну и сам старец. На теле ничего не нашли.

Тидер придирчиво осмотрел плохонький ножик. Прислушался к Святой Искре. Пустьшка! Может, проклятый старец проглотил свои изделия? Надо осмотреть тело... Размял пальцы и склонился над телом старца, прощупывая даром сквозь плоть.

Опять ничего! Тидер щелчком пальцев рассыпал тело в прах.

– Переройте землю вокруг! Все щели осмотрите, все норки! Братья, опросите крестьян – может, он спрятал... хм, колдовские вещи у них!

Обыскать несколько нищих домишек с их небогатой утварью было недолго. Крестьяне поминутно осеняли себя священным знаком и клялись, что с колдунами не знали и вообще целыми днями в поле. В их взглядах читался животный страх – до людей доходили слухи о том, как допрашивают в каменных подвалах Церкви.

Не найдя ничего достойного внимания, Тидер сжал кулак и бросил в ясное небо молнию – и ярость выпустил, и подозвал этим условным знаком адъютанта.

– Что имеем?

– За последнюю седмицу через деревню прошли шестеро чужих людей: один предлагал мелкий товар, ленты, бусы или что-то в этом роде; второй – точильщик. Двое нищих, один блаженный и один странствующий студиоз...

– Гвардейцы ещё на дороге? Ты не снимал оцепление?

– Все стоят и ждут приказов.

– Возможно, старец передал артефакты кому-то из них. Так что сейчас вы разбиваетесь на группы, по одному брату на трёх гвардейцев, и расходитесь по окрестным дорогам – искать проходимцев. Патрули должны были их задержать. Всех тщательно обыщите и доложите мне... Что?

Вальц стиснул кулаки, набираясь смелости. Он уже получил донесение от патрулей.

– Уже нашли и обыскали всех, почти... Только один... студиоз... он удрал.

– Как это?! – взорвался Тидер. – Вы воины или нет! Один паршивец против двух гвардейцев! Куда он делся, к Дьяволице в хоромы?! Найти! Приволочь на веревке! Немедленно, поняли, бездельники! Бестали рукозадые!

Кодекс не советовал «паукам» в глаза называть людей без Дара бесталиями, ибо все создания Вершителя равны, но Тидер был слишком зол. Пусть почувствуют разницу между собой и наставником высокого ранга.

Чтоб не свернуть кому-то шею на месте от гнева, он поковылял обратно к бывшему логову артефактора. Вальц вздохнул, распрямился, чувствуя потребность вернуть к себе уважение. Перед ним выстроилось два ряда человек – во втором подчиненные, с понуро поникшими головами, в первом – простой люд, так бесцеремонно обысканный.

– Что уставились?! Знаете, что за укрывательство колдунов светит, а? – адъютант хлестнул кнутом воздух, мужики отпрянули. – Триста плетей! Длань Вершителя пощады не знает...

– Ты нам не грози, – пробурчал деревенский голова. – Мы люди Вершителя, в Церковь ходим как надо, по заповедям живём. Как токо поганое колдунство у околицы своей увидали, немедля наставнику сказали.

Вальц досадливо крякнул, ещё раз вхолостую хлестнул кнутом и похромал прочь. Прошёл мимо рощи, где на опушке дрожала от страха премилая крестьяночка, с чёрными кудрями и розовыми щёчками, прижимая локтем лукошко для ягод. Пригладил усы и слегка смягчился. Эх, кабы не спешка!

– Не дрожи, девонька, всех колдунов переловим!

– Ой! А кого ещё не поймали? – охнула девушка, осеняя себя святым знаком.

Вальц смутился.

– Студиоза одного, что мимо вашей деревеньки сегодня проходил. Если увидишь его... или кого чужого – сразу нам скажи!

– Непременно, господин!

Девица поклонилась, некоторое время следила за бравым воякой, пока он раздавал приказы, и даже проводила взглядом, когда он лихо вскочил на коня и помчался по дороге. Затем побрела в лес.

***

В лесу, убедившись, что её уже никто не видит, Йера пустилась бежать. Смахнула маскировочную личину – румянец, корзинку... Споткнулась, застыла, сорвала ненавистную юбку, под которой скрывались мужские штаны.

Пнула изо всех сил ближайшее дерево.

Опоздала! Совсем чуть-чуть!

Этот «жнец» разделал мастера у неё на глазах!

Чуть не попалась!

Стоя на опушке, она почти кожей ощущала сводящую с ума близость гибели... Будь прокляты луфы, которые сдали колдунов Церкви!

Ведьма вдохнула-выдохнула, успокаиваясь. Тихо свистнула, подзывая коня. Вороной скакун плавно вышел из-за деревьев, поглядел сочувственно. Йера запихала юбку в котомку, вскочила в седло и пустила коня по заросшей звериной тропе, остановившись только у противоположного края роши. Луговые травы и цветы набегали пёстрыми волнами на солнечную опушку.

Выудила из котомки карту. Глянула – и снова накатил приступ отчаяния.

Моннер передал вещицу кому-то. Скорей всего студиозу, что удрал от гвардейцев. Йера покрутила карту, расправляя края по сторонам света. Он пеший, конные запросто перехватят мальчишку. Надо им помешать.

На миг её рука задрожала. Это даже не шныряние под носом, а прямая стычка с наставником и его ратью. Чревато снова тёмными подвалами и пытками...

Ведьма тряхнула головой, привычно отгоняя кошмарные воспоминания. Как обычно, не получилось. Зато получилось разозлиться.

«Хотя бы напакостить им посильней в отместку», – мрачно подумала она и положила руку на карту. Посторонний человек ничего не понял бы в движениях костистых пальцев, будто вяжущих невидимые нити, в напевном бормотании. «Теперь ни один всадник кроме меня далеко не уедет».

Любимое дело успокоило. Из чересседельной сумки был вытащен флакончик с бледно-сиреневой жидкостью. Откупорив его, ведьма несколько раз обошла вокруг коня, поводя в воздухе рукой с открытой склянкой. На приторно-сладковатый запах из склянки быстро откликнулись – вскоре вокруг Йеры закружились пёстрым роем, будто насекомые, крошечные человечки ростом с палец, с огромными стрекозными крыльшками, нагие, но покрытые короткими разноцветными волосинками. Они садились на руки, плечи, голову, на седло и гриву коня. Конь недовольно фыркал, но терпел – хозяйка не любила, когда прерывались ее ритуалы.

– Где-то неподалеку, – тихо произнесла Йера, ни к кому особенно не обращаясь, – убегает и скрывается человек. Мужчина, молодой, пеший, одинокий. Луф... то есть не владеет Даром. Найдите его и скажите мне – где искать, как выглядит. Когда человек будет в моих руках, вы получите остальной запах.

Договорив, колдунья закрыла флакон плотной пробкой и убрала в сумку. Существа ещё покружили над головой, а затем разлетелись врассыпную.

Глава 2

Замок внушительной каменной массой возвышался на горе. Йан прищурился, вглядываясь в него: жилой или оборонный? Судя по башенкам и декоративным шпилям – жилой, местного рыцаря-господина; небось, женился и осел на выданной королем земле. Над замком картинно громоздились грозные тучи, навеявая мысли о мокрой одежде и неудобной ночёвке в перспективе.

Йан ностальгически вздохнул: каменные стены замка напомнили родной универсум. Мощно, надежно, а если затопить камин – ещё и тепло.

– А почему бы мне не переночевать сегодня в замке? – спросил Йан у придорожного кустика. – Все мы созданы Вершителя, и все имеем право, Им положенное, в теплых постелях переночевать.

Кустик, ободранный лошадьми и ошипанный козами, скорбно помахал огрызками ветвей, знаменуя некоторое неравенство божьих созданий в сотворенном им мире. Йан оглядел себя: студенческая ряса вся в дорожной пыли и сомнительных пятнах, подол обмахрился. Необходимость удирать от гвардейцев через кустарник и болотце также не украсила одеяние. Просто так его, конечно, не пустят даже в хлев, а о мягкой постели с периной не стоило и мечтать.

– Но человека, как говорили древние букколийцы, отличает мысль глубокая, боговдохновенная, – наставительно сказал Йан, и, покинув понурое растение, свернул с тракта на проселочную дорогу, ведущую к замку. Уж чего-чего, а мыслей у него наверняка побольше, чем у всей королевской гвардии вместе взятой. Взять хотя бы его диспут по «Благословенным тезисам»...

***

Солнце, убегая от густых сизых туч, добралось до кромки горизонта, и оттуда посыпало последние на сегодня багровые лучи света. Стражник у ворот замка лениво следил за светилом – как только спрячется, надо запирает ворота. Однако вскоре его внимание привлекла одинокая фигура с заплечным мешком, которая карабкалась по дороге к замку. Путник перебрался через вросший в землю мост над мелким илистым рвом, и, отдуваясь от подъема, осведомился:

– Мир вам! Кто тот достопочтенный господин, который осеняет собою эту твердыню?

Стражник фразу не очень понял, но заключил по ней, что перед ним не простолюдин. К тому же лицо гостя скрывал капюшон, и стражник ответил на всякий случай вежливо:

– Господин Лакомос де Сюрфой с семейством, храни его Вершитель. А что тебе надобно?

– Я держу путь с важной миссией. Проводи меня к вашему господину.

Стражник почесал в затылке. С одного боку, конечно, ученые слова, да кабы не нарваться...

– А, извиняюсь, чем докажете?

Йан молча, величественным жестом вытащил из заплечного мешка грамоту и ткнул ее под нос стражнику.

– Грамота о содействии, от столичного наставника. Ну так что, чернь, долго я еще буду тут стоять и терпеть твое зловоние?

Стражник уставился на непонятные закорючки. Конечно, они ничего не говорили неграмотному вчерашнему крестьянину, взятому в охрану замка только за дюжие мускулы. Поэтому он поспешно запер тяжелые и скрипучие ворота и повел гостя к центральной башне.

Пока они пересекали внутренний двор, солнце окончательно скрылось за горизонтом, и почти сразу полил дождь. Резко потемнело, но Йан все же разглядел внутреннее устройство – за высокой главной башней начиналась низенькая и длинная жилая, окруженная хозяйственными

пристройками – конюшной, оружейной и прочим. Стражник ногой постучал в двери башни, потом, немного погодя, опять, и заорал:

– Клыш! Ты где шляешься?! Открывай!

Им открыл худой и вертлявый подросток со свечкой; наверное, он и звался Клышем.

– Где господин?

– В столовом зале, вечерять собирается.

– Проводи гостя к нему. Скажи, что от наставника, с грамотой.

Йан последовал за мальчишкой вверх по винтовой лестнице. В ней гулял сквозняк, свеча грозила в любой момент погаснуть, и проводник так заботливо прикрывал ее ладонью, что света она почти не давала. Йан несколько раз споткнулся, мысленно поминая Дьяволицу, но постарался не уронить достоинства сквернословием. Затем прошли по нескольким коридорам, где витал запах настолько несвежий, что Йан ощутил гордость за студиозское братство, где убирали очень часто... Правда, в порядке наказания за шалости, но – тем чище.

С такими размышлениями Йан вошел в столовый зал, где в разгаре была вечерняя трапеза. Во главе стола сидел массивный, седой уже мужчина – хозяин замка, и разгрызал кости с таким мощным хрустом, что заглушал даже звуки разыгравшейся за окном непогоды. Возле него сидели две женщины: немолодая, под стать хозяину, жена, и юное создание, дочка, с алеющими прыщами и несоответственным внешности надменным взглядом. Две служанки расторопно меняли опустевшие тарелки на тяжелые и полные, и Йан сосредоточился на том, чтобы не опозориться недостойным урчанием в животе.

– Господин... э... с грамотой...

Йан пришел мальчишке на помощь:

– Мое имя Йанейдек Мульский, к вашим услугам. Я прибыл из столицы с важным поручением... – Тут Йан состроил загадочное и многозначительное лицо. – По делу наставника Церкви. В соответствии с грамотой прошу содействовать мне в моем деле и предоставить кров на эту ночь.

Хозяин нахмурился. Чутье подсказывало ему, что гость – птица не слишком солидная, но если отказать посланнику Церкви, неприятной не оберешься.

– Покажи грамоту, – потребовал он.

Йан с готовностью протянул бумагу, почти уверенный, что не попадетсЯ. Рыцарь сурово кашлянул, скрывая смущение – наука была не в чести у воинов, и молодость он потратил на свершение ратных подвигов во славу короля и государства, а не на изучение закорючек.

– Клыш, позови писца! – приказал он подростку. Тот замялся.

– Что такое?

Служанки тоже дружно потупились.

– Лежит он... – наконец выдал из себя Клыш. – Болезный...

– Как же, болеет. Нахлестался бражки опять?! – хозяин понял, что единственный грамотный человек в замке в данный момент бесполезен. – Дармоеды! Выгоню, к Дьяволице!

Йан с облегчением вздохнул. Только грамотный человек мог раскусить его, потому что написаны на бумаге были отнюдь не ценные указания наставника Церкви, а выписки из «Слова государевого» об организации универсума. Нимесень, предусмотрительно вложенный в грамоту «для облегчения чтения», благополучно вернулся в карман.

– Что же, садись, дорогой гость, пей и ешь, – щедро сказал хозяин, и избрал новую тактику.

В молодости господин Лакомос служил в королевской гвардии, поэтому, пока Йан угощался, расспросил его подробно о столице, о дворце, короле и верховном наместнике. Поскольку лучшие из студиозов приглашались во дворец для выполнения поручений, Йан настолько честно и подробно все описал, что сомнения у рыцаря отпали. Похоже, юнец дей-

ствительно тот, за кого себя выдает, ну может звание свое преувеличил, но это по молодости простительно.

Йан же, пользуясь случаем, запасался провизией. Недаром говорят, что у студюоза богатство одно, зато неисчерпаемое – мантия. К изнанке её пришито множество глубоких карманов, в которых хранятся и вещи, и фляги, и провизия... К концу ужина Йан заметно располнел и надеялся только, что тусклый свет коптящих факелов скрадывает это обстоятельство.

Потихоньку домочадцы разошлись по комнатам, и господин Лакомос завел серьезный разговор:

– А по какому же поручению вы путешествуете?

Йан напустил на себя загадочности:

– Мне, конечно, нельзя об этом говорить... Но, из уважения к вам... Мы ищем колдунов. Знаете, на дорогах сейчас так беспокойно...

– Знаю, еще бы, – проворчал рыцарь. – Это дьяволицыно отродье дороги своей поганью перегораживает, проезду нет!

– Как перегораживает? – Йан уже всерьез заинтересовался. По пути он ничего особенного не заметил.

– Да так... Едешь-едешь, и вдруг раз – и хода нет, а потом вещи все раскиданы, – не слишком понятно прояснил рыцарь, никогда не отличавшийся ораторскими способностями. – Да вы же знаете сами.

– Знаем, конечно, – поспешно закивал Йан, – затем мы и посланы, найти и искоренить проклятие по всем дорогам нашим...

– Очень надеюсь, что вы побыстрее управитесь. На ярмарку уже собираться надо. Эй, челядь, кто там! Проводи его в комнату для гостей, – приказал он служанке.

– Благодарствую, – кивнул Йан, с трудом вставая из-за стола после непривычно обильной вечерни. Замок теперь казался уютнее, а служанка (со спины) симпатичнее.

Он и служанка уже подходили к отведенной комнате, как вдруг из бокового прохода, тихо как привидение, со свечкой в руке, появилась дочь рыцаря.

– Ступай, – приказала она служанке. – Я сама доведу нашего гостя.

Служанка, не выказав никакого удивления, исчезла. Девчонка же бесцеремонно схватила Йана за рукав и втащила в какую-то боковую комнатку, оказавшуюся просторной спальней.

– Сегодня ты ночуешь у меня, – приказным, не допускающим возражений тоном заявила она.

– И как же зовут тебя, юная дева? – спросил Йан, пытаясь оттянуть момент перехода к действиям. Рыцарская дочка была не то чтобы в его вкусе, а если застукают, скандал будет...

– Ливротелла, – торжественно объявила девушка. – И мое сердце чувствует, что наша пара благословлена небесами. Многие рыцари добивались меня...

«Да неужели», – подумал Йан, отступая к стенке.

– ...но только ты, несущий в себе Святую Искру, достоин меня!

«Так вот почему она на меня насела!» – сообразил Йан. Надо было срочно что-то отвечать, но объяснять, что не каждый богослов наделен Даром, он не стал.

– Понимаешь ли, я как раз сейчас ищу уединения души и покоя, и избегаю мирской суеты...

– И как, получается? – с сомнением спросила Ливротелла, постепенно освобождаясь от платья. На святошу собеседник не походил, ишь как глазами шарит.

– Пока не очень, – честно признался Йан. – Но я должен смирять свои порывы ради достижения истинной мудрости...

Чистя правда, по уставу универсума студюозы должны были вести жизнь скромную и целомудренную, не отвлекаясь от учебы на плотские утехы.

– Глупости, – по-рыцарски отрубил девушка. – Пойдем со мной, в пучины страсти...

«Или она просто развлечений ищет...» – Йан принялся маневрировать по комнате, то подбегая к кровати, то отпрыгивая от нее. Пока это сходило за столичную страстную игру, но бесконечно продолжаться не могло. «Помочь, что ли, девчонке?» Йан притормозил, прикидывая плюсы и минусы от этой идеи, Ливротелла, пользуясь случаем, повисла у него на шее, и в наступившей относительной тишине оба услышали шаги в коридоре. Тяжелые шаги окованных железом сапог, и голос:

– Как нам повезло, что на ночлег мы завернули к вам. Похоже, это наш... старый товарищ, мы его как раз ищем...

Голос хозяина замка не по-рыцарски блеял что-то невнятное – похоже, его спутник был весьма важной персоной.

– Он похож на странствующего студийца? Да, определённо, нам очень повезло.

– Всегда рад услужить, господин дознаватель...

Йан похолодел. Интуиция вопила, что эти люди (дознаватель! здесь, на отшибе!) ищут именно его, а если даже и нет – лучше этим новым гостям на глаза не попадаться. Товарищ, как же.

– Что с тобой? – прошептала Ливротелла. – Это твои друзья, да? Как не вовремя...

– Нет. Я узнаю голос своего врага, – шепотом же ответил Йан.

– Врага?

– Да. Я перешел ему дорогу... И теперь он меня ищет повсюду. Ему нужна моя тайна...

– Какая тайна?

– Моя королева, я не могу тебя впутывать в это дело. – На самом деле Йан просто не успевал придумать соответствующую моменту тайну. Сейчас они обнаружат, что в комнате для гостей никого нет, и...

– Ну скажи!

– Обязательно расскажу, но в следующий раз, божественная моя... А сейчас мне надо бежать отсюда, срочно. Иначе этот подлый человек получит невиданную власть... А этого нельзя допустить, понимаешь? – Йан попытался разглядеть в полутьме, насколько собеседница прониклась его словами.

– Тогда беги через окно! – Ливротелла повозилась с засовом и распахнула ставни. В комнату ворвались холодный ветер и ливень. – У меня есть веревка!

– Длинная? Зачем она тебе?

– Я через окно сбегаяю, когда меня запирают за непокорность!

Йан, мысленно благодаря девушку за предусмотрительность, помог ей размотать и закрепить веревку, и даже в порыве благодарности чмокнул.

– Спасибо, моя королева! Я посвящу тебе поэму!

И, отмахнувшись от ответных слов, начал спуск.

Одежда тут же намокла до исподнего, ветер мотал веревку туда-сюда, как звонарь язык колокола, и единственный плюс непогоды был в том, что никто не мог увидеть беглеца из окна или двора. В окнах то и дело мелькал свет – пропажу гостя уже обнаружили и теперь искали по всему замку. Ободрав руки, Йан спрыгнул во двор, и побежал туда, где, как ему казалось, были ворота. Но по пути вдруг увидел огромный силуэт, чернее, чем грозовая ночь, и прижался к стене. Мимо, сопя и фыркая, прошло что-то живое, и Йан понял, что это лошади прибывших. Безумная идея пришла ему в голову, и он бросился за ними.

Так и есть, двух коней вел под уздцы давешний охранник-привратник.

– Эй! – крикнул Йан. Мужик обернулся. – Давай сюда лошадь! Срочно! Погоня! Отпирай ворота!

Вскоре Йан удалялся на лошади прочь от замка.

Копыта коня скользили, разъезжались на мокрой дороге вниз по склону, но это все равно было быстрее, чем бежать пешком, и Йан истово благодарил судьбу за удачу.

***

Коняга упиралась, не желая вместо тёплого стойла нестись сквозь бурю и ливень, в непроглядной тьме, но когда Йан в сердцах стал лупить её по крупу, вдруг понесла, чуть не сбросив дурного всадника. Какое-то время Йан, сдавшись на милость животного, болтался в седле и гадал, где же они окажутся утром, но затем умная скотина замедлила ход. Хлюпанье под копытами сменилось глухим стуком, и внезапно буря чуть отодвинулась, дождевые струи перестали лупить по макушке. Йан соскользнул с коня, руками ощупал плотную темень перед собой и, наконец, догадался – навес для сена, в это время года почти пустой. Лошадь пришла к жилью.

Мокрый как воробей, Йан плюхнулся на тонкий слой соломы и крепко обругал себя за гордыню. Ну что стоило попроситься в простой крестьянский дом? Зачем было ломиться в замок!

«Но, Вершитель, благодарю, что предупредил об опасности», – Йан, как ни устал, совершил вечернюю молитву. То-то Он удивится, услышав её! Из каких только мест не приходится воздавать хвалу.

Только сейчас, переведя дух, Йан принялся размышлять. Его явно искали. Именно его, он запомнил слова: «Похоже, это наш... мы его как раз ищем... студия?»». А гвардейцы смогли так стойко побороть денежный иску, только если получили строгий приказ свыше.

Конь – или лошадь? не понять в темноте – всхрапнул над ухом, и Йан дёрнулся от неожиданности. В чём он так провинился? Было над чем задуматься. Конечно, за время учебы в универсуме в послужном списке Йана, кроме различных оценок, скопилось немало сомнительных заслуг и свершений – статус студияза обязывает! Но за большую их часть он уже расплатился либо хорошо спрятал концы. Последними развлечениями накануне выезда из столицы были красочное изображение гнилых овощей на стене дома начальника городской стражи, и фальшивая грамота (якобы от универсума) для одного вельможи. Тот возжелал изобразить из себя ученого, несмотря на то, что не знал букв даже родного языка. Студиязы, вдохновленные бочонком пива, изготовили ему грамоту, написанную на языке Священного Текста, которая, однако, содержала отнюдь не священное подробнейшее описание одного из плотских грехов. Конечно, если тому вельможе попался образованный человек, растолковавший смысл лже-грамоты, заказчик мог разгневаться. Но не настолько же, чтобы посылать королевскую гвардию через полстраны! Живопись охрой на стене тоже определенно того не стоила. Может быть, его ищут родственники какой-нибудь хорошенькой девицы – предшественницы Ливротеллы? Тоже сомнительно – с большинством из них он расстался полюбовно.

К тому же среди искавших был дознаватель, а уж они на мелочи не размениваются. Элита Церкви, самая тайная и жуткая из её служб. Еретики и колдуны... При чём тут он, богослов-недоучка? Йан перевернулся на другой бок, заворочался, устраиваясь поудобней, и вдруг его в бедро что-то кольнуло. «Веточка», подумал он, проводя рукой, но в ладонь ткнулся нож. «А что, тоже вариант», озабоченно подумал Йан. Если за доставку этой внешне непримечательной вещицы обещаны такие несоразмерно большие деньги, как сто карелей, может быть она дорога ещё кому-то, кроме адресата. И заинтересовались его мелкой персоной как раз после того, как она взялась за доставку ножичка... Совпадение? Вряд ли, и старик странный... Йан всё глубже погружался в темноту мыслей, и, не додумав последнюю, заснул.

Глава 3

К утру дождь закончился, небо прояснилось. Красота дымчато-зелёных полей и чистых небес резко контрастировала с мокрым, продрогшим и хмурым студиозом.

Спал он недолго и проснулся на рассвете – к счастью, солнечном, поэтому без труда сориентировался по сторонам света. Идти в деревню опасно. Теперь надо двигаться перебежками по нелюдимым местам, изредка подкрепляясь на окраинах селений... Какой ужас. Вот же влип!

В какую сторону? Он слегка заколебался, но решил продолжить путь в Марцих. Причем перебраться через границу необходимо как можно скорее, пока здешние преследователи не исполнили свою миссию. То бишь – не схватили его, Йана. А уж добравшись до места он, возможно, поторгуетя и потребует прибавки к оплате – за риск.

Йан вытащил ножик и внимательно осмотрел. Костяной, изящная резьба. Такими богатые и образованные люди разрезают бумагу, а в менее благородном варианте – чистят ногти. На кухне он бесполезен, для охоты и рыбалки тем паче. Вещичка, по следу которой Церковь посылает своих псов-дознателей – что же за силы в ней сокрыты? Йан пожалел, что не расспросил странного старичка поподробнее. Но долго ругать себя за безголовость было не в характере студиоза и он, спрятав ножик, отправился в путь.

Йан покинул сонную деревеньку, так и оставшуюся безымянной, какое-то время ехал по просёлочной дороге, мимо полей, чахлой рощицы, затем потянулись и вовсе овраги. Эх, хорошо ехать конём! Но нельзя. Во-первых, если он присвоит скотину, это будет кража, а во-вторых... в общем, надо избавляться от угнанного коня.

Издали Йан увидел, что тропинка вливается в крупный тракт. Справа тянулись кущи, на вид колючие и непролазные; слева растительность отчего-то редела, обнажая овраги и балки, из которых доносилось журчание ручья. Йан слез с коня, выломал на обочине хворостину и с размаху стегнул животное по крупу – скачи подальше! Не ожидавший такой благодарности конь взвился, заржал и понёсся вперёд... Недалеко.

В каких-то ста шагах от Йана дорога вспыхнула болезненно-жёлтым светом и прямо из воздуха вокруг коня сплелась сеть. Бедное животное с размаху свалилось в дорожную грязь и забилося, опутанное, с неистовым ржанием.

– Вершителю, смилуйся! – в ужасе прошептал Йан, пятясь. – Так вот о чём говорил этот... рыцарь, как его...

На кафедре богословия немало толковали о чародействе, но впервые в жизни Йан своими глазами увидел нецерковную волшебку, да ещё такую мощную! Не то что пригородная ведьма, наколдовавшая лысину купчишке, старому развратнику... Её потом даже жалели, мол, мужик сам облысел, а женщину оговорил за отказ...

Осеня себя святым знаком, Йан попятился, а затем и пустился бежать, через косогор, через овраг, лишь бы подальше от этой жути.

Когда в бок закололо, а дыхание перехватило, он остановился и огляделся. Холмы, заросшие дикими травами и кустарником, скрадывали горизонт. Вдали вился дымок, но был ли там посёлок или просто чей-то костёр, отсюда не разобрать. Хуже, что, взобравшись на пригорок, Йан снова увидел тракт. Наверное, он делал петлю, и, пробеги студиоз ещё несколько сотен шагов, опять выскочил бы на дорогу.

Выругавшись, Йан спустился к ручью, напиться после бега, но и тут его поджидала неудача: вода была нестерпимо горькой.

– Тьфу! Вершителю, признайся, ты это нарочно? – застонал Йан, опускаясь на прогретый солнцем песчаный склон оврага и глядя в небо, где белые рваные облачка спешили по своим делам.

Пора было выяснить, куда он забрёл. Йан выудил из-под полы карту. Так, в замке его встречали Ливротелла, Лакомос... Но слуга Клыш. Значит, округ Л или К, они рядом, жители могут смешиваться... Скорее Л. Ага, точно – вот и Горькие Холмы.

Теперь понятно, что за шутка с водой – поблизости соляные копи. И ясно, отчего тут мало растений – не принимаются на засоленной почве, под которой идёт сеть залежей, вырытых людьми ходов и промытых водой пещер. Дымки на горизонте, похоже, выются из посёлка добытчиков. А вот и дорога, и замок... Совсем рядом, немного он успел пройти.

На карту упала лёгкая стремительная тень, мелькнула раз, ещё раз. Йан махнул рукой, отгоняя стрекозу, поднял взгляд – да так и замер.

Над ним вились не стрекозы, а крошечные, не больше пальца, человечки с большими прозрачными крылышками. Воздух наполнился посвистом и шуршанием.

– Сказочный народец, – прошептал Йан. Мало кому доводилось видеть этих легких и изящных существ, и Йан только по сказаниям знал о них – что говорить надо тихо, и что превыше всего крошки ценят удивительные запахи. От Йана ничем особенным не пахло, кроме обычного амбре для человека, побегавшего на солнцепёке, поэтому он рискнул спросить:

– Дивный народец, что вы здесь ищете?

– Он, это он, – звенело вокруг, – здесь, здесь! Мы скажем колдунье, сейчас, сюда! И будет запах, да! Да!

– Колдунья! – Йан вскочил. Она что, тоже его ищет? Как резко всем понадобилась скромная персона студиоза. Убегать опять? В боку ещё колет, да и глупо, летучий народец его выследит в два счёта. Спрятаться? То же самое. Хотя, один способ есть! Как хорошо, что он не прогулял землеописание в снежной четверти года...

Йан спешно поковылял вдоль дикого берега ручья. Плети ползучих растений хватили за ноги, ступни проваливались в песок. Ужасно медленно...

– Вершитель, помоги, а? Я исправлюсь! – ручей блестел на солнце, слепя глаза. Йан зажмурился и прикинул, что пообещать горней силе за выручку. – Я не буду прогуливать ни одну лекцию! О...

Наконец, Йан увидел, что искал – ручей обрывался, утекал прямо в землю, в полость пещеры. Там его никто не уви...

– Далеко собрался? – раздался за спиной хрипловатый женский голос. Обернувшись, студиоз отшатнулся – так близко она стояла. Откуда успела подкрасться? Вида самого зловещего: копна чёрных спутанных кудрей, чёрная одежда, да не платье или юбка, а в мужских штанах – женщина, тьфу! Но хуже всего глаза, свинцово-серые, как холодная осенняя река под пасмурным небом.

Йан невольно вскрикнул, очнулся от звука своего голоса, и рванулся теперь уже в сторону дороги – авось увидят! Ведьма махнула кистью, будто щёлкнула невидимым бичом – и в тот же миг его опутали верёвки, как того коня, и он тоже падает, катится вниз по холму, и вопит:

– Помогите! Ведьм... – горло перехватило.

– Что орёшь как свинья на бойне, – рыкнула ведьма, подходя. – Вдруг я тебя ублажить хочу, а? Может, я люблю совращать богословов, молоденьких таких, невинных мальчиков...

«Тут ты прогадала», – Йан фыркнул, шутка сбавила напряжение. Ведьма ухмыльнулась – как кошка, поймавшая мышь, села рядом на прогретую солнцем траву.

– Надо же, обычный луф. Ты был у Моннера?

Йан закатил глаза: «Как я буду тебе отвечать без голоса?». Движение пальцев – и он закашлялся. Ещё раз, нарочито прочистил горло, лишь бы потянуть время.

– А ты вообще кто? И что за «луф»?

– Ведьма, если ты не заметил. А луфы это все остальные. Зови меня Йера... Но неважно. Так был?

– А если я скажу «нет, не был, не знаю такого»?

– Врёшь, по глазам вижу. Какой смысл отпираться? Я ведь и больно могу сделать, – Йера поморщилась. – Так что лучше расскажи всё как было. Что?

Вокруг засновали крылатые тени. Скосив глаза, Йан увидел, как десяток крохотулек с натугой тащат флакон. От них веяло приторным запахом.

– Церковь! Близко! Близко! – донесся тонкий писк.

Ведьма вскочила.

– Неужели увидели, как я летела... Или на твои вопли сбежались... Всё из-за тебя! – ведьма отвесила Йану пинка в бок, рывком подняла, связанного, потащила с неженской силой. Недалеко.

Из-за холмов донеслись слабые голоса, затем властный окрик:

– Кто звал на помощь?

– Я! – крикнул Йан, прежде чем ведьма успела снова заткнуть ему рот.

– Идиот, – простонала Йера. – Там же наставники-дознаватели! Они не только меня, а и тебя, дубину, сгноят, за колдовские дела!

– Чего ты решила, – однако Йан присмирел. – Может, это крестьяне овощи везут.

– Овощи за нами не гоняются!

Воздух перед ними закрутился и вдруг превратился в окно, по другую сторону которого прямо сквозь холмы и заросли стала видна дорога. А на ней – кучка людей в чёрно-бурых рясах. Впереди стоял один, протягивая руки в их сторону: левая ладонь простая, а правая сияла золотом.

Йера посерела, теперь она выглядела как пойманная мышь. Едва она откатилась в сторону, не выпуская Йана, как воздух прорезал золотой луч.

Над головой проревел усиленный Даром голос:

– Сдавайся, дьяволицыно отродье! И я обещаю тебе лёгкую смерть...

Йера пассом разбила окно и снова поволокла Йана за собой. Теперь «жнец» молотил вслепую, золотые лучи полосовали воздух слева и справа. Судя по ржанию, всадники пытались пробраться к ним ближе по бездорожью.

– Что будешь... Ай, больно! – ведьма протащила его по камням, не заботясь о целостности пленника. – Как тебя – Йера? Что делать будешь?

– Биться за себя! А что предлагаешь?

– Под нами пещеры. Если б ты пробила туда дыру...

Слепящий луч сверкнул совсем близко над головой.

– Дыру нет...

Одной рукой ведьма подтянула Йана за шиворот, а вторую опустила к земле, сжала кулак и трянула, как хозяйки встряхивают пыльный коврик.

Земля разошлась, будто дырявая ткань, и студиоз с ведьмой полетели в темноту.

Йан приземлился удачно: позвоночник спасло кольцо колбасы, припрятанное на ужине в замке. Да, на спине мантии тоже есть внутренние карманы.

Темнота затопила глаза. Где они? Если в пещере, почему нет сверху дыры, сквозь которую они падали? Хотя, что ведьме стоит её заделать.

Йера бормотала что-то неподалеку, то ли колдовала, то ли ругалась. Золотой свет магии наставника тускло полыхнул в стороне, на миг озарив пещеру – сероватые стены в потёках и разводах, узкое русло подземного ручья. Йера тут же опять схватила пленника за шиворот и потащила в сторону.

– Если он поймёт, куда мы делись, это крышка.

– Развяжи мне хоть ноги, и мы уберёмся отсюда намного быстрее!

– Боюсь, ты пойдёшь не в ту сторону, – парировала ведьма. Что-то она себе повредила при падении – оттащила пленника в сторону, бросила и снова забормотала.

– Чем опасны эти лучи? – не выдержал Йан. Ещё несколько вспышек, беспорядочных, словно наставник с горя лупил наобум, дали рассмотреть пещеру. Есть несколько хороших валунов, прямо рядом! Да руки связаны. Заболтать бы её...

– Тебе, мальчик, будет просто больно. А для нас – потеря способностей.

– Сочувствую.

– Неужто. Пока рано. К тому же толща земли его глушит. Видишь, перестал.

– А ты можешь посветить магией?

– Работаю над этим. – Голос Йеры и правда зазвучал чуть дальше. Так, кистью можно дотянуться до кармана...

– Как они только на конях добрались. На дорогах полно ловушек.

– Ловушки ставила я. И ты разрядил последнюю.

– Вот как! – Йан нащупал рукоять, сжал. Гадство, это не дорожный нож, а та костяная фитиулька!

Йан скорее инстинктивно поддел костяным ножиком верёвку, но она легко поддалась. Не успев удивиться, как такое возможно, Йан выпростал руку и схватил ближайший валун.

Замерцал огонёк, очертив фигуру ведьмы. В руках она держала факел. Йан быстро спрятал руку с камнем под спину, пока она развернулась и шла к нему.

– Зачем ты меня искала? Что тебе нужно?

– У тебя есть одна вещица. – Глаза Йеры мерцали жадным блеском. – Тебе её дал старец. Где она?

– Попробуй найди.

– Я же попробую, – ведьма наклонилась к Йану, волосы упали ей на глаза. В ту же секунду Йан саданул камнем ей по виску.

Сработало. Колдунья рухнула на пол. Йан подхватил факел. Хотел проверить пульс, но вдруг испугался – прикасаться к колдунье! И пустился наутёк.

***

«С первой ведьмой тебя, богослов», – мрачно думал он, уходя всё дальше в сеть коридоров, лазов, щелей и пещер. «Хотя, вдруг она выжила? До сих пор я женщин камнями не бил, опыта нет...» Йан прислушался к густой тьме за спиной. Ни звука. «Любой наставник прикончил бы тварь, не колеблясь. Не бывать тебе, Йан, хорошим богословом, раз погань всякую оставляешь на белом свете». Так непременно сказал бы Гингер, наставник-преподаватель по борьбе с ересями. Старик знал их все до единой, потому как лично участвовал в искоренении большей части лжеучений и подавлении бунтов их последователей. Искалеченный в боях, согнутый годами, он с прежней непримиримостью вещал юным богословам о ложных толкованиях Священного Текста, о чародейских промыслах, и заканчивал каждую лекцию призывом к беспощадной расправе с врагом. Хотя, на взгляд учеников, иные ереси были вполне разумны...

А полгода назад на главном лобном месте столицы сжигали очередную ведьму. Весь курс во главе с наставником Гингером присутствовал и конспектировал процесс. Вокруг теснились любопытные горожане, вельможи сидели на специально принесенных креслах.

Йан и раньше бывал на казнях, но издали, на краю толпы, и впервые увидел ведьму вблизи. Тоже молодая, но бледная, ни кровинки в лице, и совершенно апатичная, будто её уже убили. Безучастно выслушала обвинение и приговор, слабо затрепыхалась, когда её привязывали к столбу над кучей хвороста. И только когда пламя охватило тело, закричала...

У Йана была самая худшая оценка за тот конспект. Его просто не было. Он не выдержал и сбежал с казни.

Однокашники подсмеивались, но некоторые глядели сочувственно. Гингер закатал гневную проповедь, где Йану за малодушие отводилось место на следующем костре. Декан похло-

пал по спине и ободряюще сказал: «Не все богословы кого-то сжигают. Потерпи, и найдёшь себе мирную должность. Ты один из лучших учеников... был до сего дня».

Йан остановился, ещё раз наострил уши и огляделся. Серые стены в разводах казались одинаковыми сзади и впереди. Капала вода, в боковом туннеле журчал ручей, воздух был холодным и всё сильнее пробирал разгоряченное бегом тело. Куда он забрёл, убегая от ведьмы? Йан вздрогнул, представив, что будет, если он не найдёт выхода из этого лабиринта, но позволил подкашивающимся ногам опустить тело на ближайший каменный уступ. Достал флягу, хлебнул разбавленного вина, припасённого всё за тем же ужином в замке. Эх, знал бы, что окажется тут – нагреб тогда еду со стола не стеснясь.

Теперь самое время подумать.

Ведьма сказала – ей нужна вещь, полученная от Моннера. То есть ножик. И церковники ищут что-то... Наверняка его.

Что же такое этот нож?

Йан ещё раз повертел в руках загадочную вещицу, попробовал кромку пальцем. Даже не острая. Как он разрезал чародейские путы? Он попытался ножиком отрезать бахрому на подоле мантии. Бесполезно.

Сто карелей, колдуны и Церковь... Вот влип. Ещё и под землёй заблудился.

На том мысли закончились, и Йан уловил, кроме треска факела и журчания воды, новый звук. Словно бы постукивание и скрежет, тихий-тихий. Или очень далёкий.

Ведьма ожила! Он похолодел. Но звуки не приближались и не стихали, им словно дела не было до одинокой заблудшей души. Это утешало, и Йан, помедлив, двинулся на звук. Подземелье, тусклое и безжизненное, угнетало, и он был готов выйти даже к подземному царству Дьяволицы. Хотя, говорят, для грешных богословов у неё припасены особо изощрённые наказания, куда там подземельям дознавателей... Йан затряс головой, отгоняя вставшие в глазах картины из Поучений, и зашептал молитвы. Третью Катехизиса успел прочесть, когда подземелье начало меняться.

Коридор, и без того высокий и широкий, раздался до небольшого зала. Поднеся факел к стене, Йан увидел, что она грубо обработана инструментом. В холодном неживом воздухе появились запахи – пыли, пота, конского навоза и еды. В зал вливалось несколько проходов, в одном из них мелькал свет. Но Йан сначала сунулся в тёмный боковой ход. Там был зал поменьше, посреди которого стоял белесый стол, вырезанный – Йан не поверил глазам и даже лизнул для проверки – из куска соли. Там же стояла простецкая глиняная посуда, пни-обрубки вместо стульев, лежали котомки. Издали были слышны голоса – нормальные, человеческие, и Йан горячо поблагодарил Вершителя. Он вышел к шахте, где добывалась соль. Вот почему он не услышал стука сразу – у них был обед!

Осталось придумать, что сказать самим рабочим. Даже если наставники шли пешком, они уже могли разнести весть о поиске студиоза. Значит, мантия с нашивкой книги и священного знака теперь опасна.

Йан скинул мантию и съёжился от холода – в пещерах, не знавших солнечного света, даже летом нетрудно замёрзнуть. Вывернул одежду наизнанку, связал верёвкой, чтоб было похоже на котомку. Трудней всего было потушить негаснущий ведьмовской факел. Пришлось возвращаться к подземному ручью, топить и давить камнем дьяволицкую штучку, а потом топтать по тёмным переходам обратно. Когда Йан вышел к штреку, вид у него стал достаточно замёрзший и напуганный.

Трое долбили стену кирками, откалывая драгоценную соляную породу. Ещё двое собирали «белое золото» в бочки, измельчали и оттаскивали в узкий коридор, уходящий вверх. Все они были одеты в одинаковые серые одёжки.

При появлении Йана работа замерла.

– Ребят, запасного балахона ни у кого не найдётся? – жалобно заныл Йан. – Мой вообще развалился...

– Ты откуда взялся? – рявкнул самый крупный и бородатый из мужиков, поигрывая киркой, как пушинкой. – Не помню, чтоб утром с нами спускался.

– Я заплутал тут у вас, свернул видать не туда, только-только вышел к вам...

– Цыц! Во дурень. Новенький что ль? Как зовут?

– Да, новенький, звать Миликком.

– А что, Лемк, – обратился бородатый к соседу, – Войковы лохмотья ещё не выкинули?

– Должны лежать в парадной зале, – откликнулся сосед, более щуплый и тихий. – Иди щас прямо, потом налево... Или ладно, отведу тя.

«Парадной залой» оказался тот самый, со столом. Лемк вытащил из угла серый, истрёпанный балахон из дерюги и такие же штаны. Войко, судя по запаху, работал очень долго и старательно, ещё и спал не раздеваясь.

– А Войко что скажет? – спросил Йан, правда, уже из-под одежды.

– Ничего не скажет. Его лошадь задавила наемни. Тебя ж, поди, вместо него взяли.

– И где мне быть? Где наш... ээ... главный?

Йан одёрнул полы и невинно захлопал круглыми глазами – дурень дурнем, что с него спросу!

Лемк хохотнул:

– Самый главный сидит в замке да заморские вина потягивает. А бригадир наверху, да обозлится, коли увидит, что работник посреди дня незанятый шастает. Станешь сейчас с нами.

На Йана спихнули самую тяжёлую работу – выволакивать громадные, вполовину своего роста, набитые солью бочки вверх по узкому коридору до верхнего уровня, где их принимали и грузили на подъёмники с лошадьми. Но он и не думал жаловаться – лучше уж затеряться среди работников, чем попасть в руки к своим же служителям веры.

«Самая тяжёлая переделка в жизни» – мрачно сострил он, выкатывая кверху очередную неподъёмную бочку.

Глава 4

Проработать на шахте пришлось до конца месяца. Сначала весть о беглом студиозе всколыхнула посёлок, наставники прочёсывали его вдоль и поперёк, но людей здесь было много – пришлых, искателей удачи, наёмных работников в шахту и на выварку рассола, и Йан скромно затерялся в толпе. Слухи ходили самые невероятные. Йан узнал, что он украл главную реликвию Церкви, то ли Чашу с кровью Авы, то ли тиару Главы Совета наставников, изукрашенную драгоценными камнями. После пары кружек пива Йан сам включился в игру и поведал, что студиоз этот – редкий уродец, карлик со шрамом через всё лицо, а драгоценность украл, чтоб купить любовь ведьмы.

За пятой кружкой сошлись на том, что ведьма съела незадачливого любовника и сделала из его черепа чашу для зелий.

Когда наставникам надоело тратить силы на пьяный бред, заставы на дорогах сняли, и Йан радостно простился с шахтой. Конечно, обольщаться нечего – о нём ещё не скоро забудут, но он и не собирался напоминать.

Новая одежда, судя по нашивкам, раньше принадлежала купцу, а судя по аккуратно заштопанной дырке на груди, купец расстался с ней не добровольно. Йан купил вещи на базаре с рук, у заросшего пронырливого мужичка, и теперь гадал, сколько неприятностей навлёт на себя, дважды облачившись в вещи покойных людей, причём умерших насильственной смертью. Верная мантия лежала в котомке, а котомка и сам Йан лежали на телеге, гружёной солью. Обоз шёл в Марцих – крупнейший город Ваймера.

Нимуанс был большой и сильной державой, Ваймер – маленькой и гордой, но входил в мощный военный союз соседей, поэтому между двумя странами уже пару десятков лет сохранялся мир, и торговля шла вовсю. Дорога была запружена всадниками и обозами. За воротами города Йан оглянулся и удивлённо заморгал: ему почудилась в толпе чёрная копна кудрявых волос.

«Чему я радуюсь, – мрачно подумал он, – эта колдунья, буде она жива, ещё попортит мне крови».

***

За городом, в глубоком урочище, поросшем тёмным лесом, в самом сердце бурелома, Йера забила в шалаш. Она дрожала, но не от сырости. Трясущейся рукой достала из сумки грубо вылепленную глиняную фигурку размером с ладонь. Собралась с духом и дёрнула нить, ведущую через сердцевину фигурки, через воздух, землю, скалу, стены к крепкому черноглазому мужчине.

– Крес? Слышишь меня?

Фигурка шевельнула грубо вылепленными губами.

– Что у тебя? Нашла Грань?

– Она была у студиоза, я его поймала, но... На нас напали «жнецы», Крес... Он... ударил меня камнем и сбежал! Я провалялась в пещере два дня... Крес?

Долгое молчание.

– Кто кого ударил... неважно. Они схватили мальчишку?

– Что? А, нет. Он как сквозь землю провалился.

Молчание. Всхлипы.

– Я... я могу как-то искупить свою вину?

Фигурка скривила и так безобразное лицо.

– Разумеется. Продолжай наше дело, объезжай столицы всех сопредельных стран. Нам нужны маги. Много магов, мужчины, женщины, дети – все, кого найдёшь. Ищи. И мальчишку тоже.

– Слушаюсь, – прошептала Йера.

Негодник жив, она уверена, ей шепчут о том все нити земли. И он ещё попляшет. Простой смертный не должен обдуривать властителей сил земных и потусторонних!

***

Тидер скрючился над грубым деревянным столом, длинная неровная челка раздражающе лезла в глаза. Но некогда отвлекаться на мелочи. Донесения со всех концов страны перед ним: из кабаков и из замков, из дворцовых кухонь и купеческих домов, от бесталей и «пауков»... Но не это главное. О самом важном не пишут, лишь шепчут жарко на ухо, под большим секретом, немногим избранным, которым можно довериться. За две седмицы его отсутствия интрига в Первом круге «пауков» стянулась в тугой клубок.

– Ульчих отказался объяснить Арестису, о чём говорил с королём? Это точно, Вальц? Верный адъютант подобрался.

– Так точно.

– Это сказал тебе сам Арестис...

– Его секретарь Митьи и настоятель монастыря Священной Ивы присутствовали при разговоре и подтвердили подлинность этих слов.

– Надеюсь, ты их спрашивал не при Арестисе?

– Разумеется, нет!

Тидер выжал скупую улыбку.

– Вальц, ты лучший помощник, что у меня был когда-либо.

«Жаль только, что без Святой Искры. Но с этими беда... Как сказал философ Вевраг – норовят не только заместить, но и сместить».

– Подытожим. – Тидер встал, потянулся до хруста суставов и подошел к узкому окну в каменной толще стены. – Глава дознавателей Арестис – за нас, глава нимуанской Церкви Ульчих – против нас. Что он замышляет, догадаться нетрудно. Хочет ослабить влияние нашей партии через немагическую часть Церкви и светскую власть...

– Никогда не думал, что в Церкви может быть такой раскол, – сокрушённо вставил Вальц.

– Мы тоже.

Тидер задумчиво оглядел вид из окна. Кабинет на большой высоте, и узкого внутреннего дворика под окном не видать. Три ряда толстых стен каскадом опоясали Авс – твердыню Ордена Паука, его штаб, его сердце. Говорят, фундамент закладывали ещё букколийцы, и он обладает удивительными, неизученными свойствами. Должно быть. Даже в те древние времена, задолго до того, как все маги под крылом Церкви объединились в Орден, они уже много чего знали и умели.

Церковь объединила всех магов, чтобы они не злоупотребляли своей силой, а использовали ее на благо общества. Все, кто владеет Даром, либо состоят в Ордене Паука – либо являются отступниками и подлежат сожжению. И это правильно: великая сила влечёт великую ответственность. Об этом говорит их символ – паук, что очищает мир от вредных мошек. «Раздавим пауков!» – кричали ведьмы в магических войнах прошлого...

Укрепления возводились веками, разными поколениями властителей Церкви, поэтому вид крыльев Авса мог разительно отличаться цветом, формой окон и дверей, теснотой коридоров. Когда Тидер стал дознавателем, он выбрал кабинет в самой старой башне, с суровыми стенами безо всякой отделки и украшений. Зато здесь так и веяло мощью древности. Из этого окна шумная столица Лестеция видна, как на подносе – с серебристыми протоками и мостами Инкурсы, разрезающей город надвое, как лезвие режет пирог; со всеми королевскими двор-

цами, аббатствами, монастырями, пышными храмами, рынками, перепутанными нитками улиц и пестрыми жилыми кварталами. Крепость на самом высоком холме столицы словно парит над всем, как и должно Церкви-властительнице.

– Моя миссия была неудачной. Артефакт не найден. Студиоз, унесший его, исчез. С ним была ведьма, возможно, она завладела искомым, и она также исчезла. Никуда не годный отчёт.

– Вы неправы, – Вальц поднял руки, будто протягивая Тидеру решение. – Старец-колдун уничтожен! Опасного артефакта не обнаружили! Или он тоже уничтожен... И студиоз с ведьмой развеяны в прах! Вы успешно справились.

– Можно положить это на стол Арестису. Но те, кто копают под нашего главу, обязательно найдут в этом отчёте неточности, и используют их против него, меня, нас... Нет. Мы опишем всё как есть. И этот провал должен стать провалом Ульциха. Результатом его бездарного руководства. – Тидер прищурился, нашел взглядом острый сверкающий шпиль раззолоченного особняка Верховного Наставника.

– И тогда даже неудачи послужат на пользу делу! Гениально! – Вальц восхищённо следил за Тидером.

– Ульцих ещё заплатится за то, что предал Святой Канон, – сказал Тидер так мрачно, что Вальц невольно утих и съёжился.

Глава 5

Студиозы – племя, обитающее обычно в крупных городах. Также встречаются в окрестных полях этих самых городов; после учебы могут найтись при замках, Церквях, при короле, на службе у купцов – в общем, в любом месте, служащем оплотом культуры и цивилизации. Между этими оплотами они путешествуют по дорогам и трактам.

Йан трясся в телеге уже вторые сутки. Застава на ваймерской границе не обратила на парня никакого внимания. Стражники долго препирались с купцом о размере пошлины за обоз, наконец сошлись и покатали уже по ваймерской земле. Йан вздохнул свободней – может быть, в Ваймере от него отстанут. Хотя бы на какое-то время. Дознавательская служба у Церкви, конечно, общая во всех странах – теоретически. Но практически они всё равно не ладят, как и светские власти. В городе можно будет даже рискнуть и надеть снова мантию – универсумовское братство международное, прикрывает всех студиозов.

Но до Марциха ещё надо добраться. Приткнувшись между кулями с солью, Йан благодушно смотрел на сельские пейзажи. Поля, горстки домиков там и сям, перелесок над речкой, и снова поля... Совсем как в детстве. Правда, как и в детстве, жить и работать здесь совершенно не хочется. Тяжкий, неблагодарный труд, ежедневно-унылый, не то что пёстрая городская суета...

Впереди послышались треск, скрежет, ругань, и подвода остановилась. Возницы, сбившись в круг, так громко и смачно обсуждали ситуацию, что Йану даже не надо было подходить, чтобы узнать, что произошло: сломалась ось одной из телег, а единственный посёлок в пределах видимости – несколько дворов на горизонте.

– Посмотрим, Вершителю, для чего ты подкинул мне это испытание, – досадливо буркнул Йан, видя, что весь обоз сворачивает на обочину и лошадей распрягают. – Эй, Ладзь!

Седой возница телеги, на которой ехал Йан, оглянулся.

– Чего тебе?

– Мы что, надолго здесь?

– Ось так быстро не починить. Видно, ночевать тут будем. Ежели ты, конечно, не плотник.

– Я человек книжный, – вздохнул Йан, озирая поля вокруг. Издали были видны маленькие фигуры людей.

– Ну и что с вас толку, таких? На что оно пригодно, твоё ученье-то? – Ладзь за разговором умело распряг лошадей, стреножил. – Когда сеют, пашут – это я понимаю, дело, есть хотят все, хоть король, хоть писарь, хоть бедняк. Купцы ещё понятно, хоть и мошенники они все до едина...

Возница огляделся, дабы убедиться, что купец-хозяин обоза его не слышал.

– А умственность ваша – обман один, всё равно что ярмарочный балаган. Кричат много, а что делают – руками не пощупать. Разведи костёр хоть, что ли, к ужину.

– Я лучше пойду в деревню, поспрашиваю плотника, – Йан кивнул на домики. – Там и еды возьму.

– Тоже дело...

Ладзь застучал кресалом, а Йан подхватил котомку и побрёл через поле, молча негодуя. Не впервые в жизни он слышал такие разговоры. Конечно, пререкаться с человеком, который его везёт, глупо, и что он докажет тёмному работяге?

– Да учёному человеку самое главное в этой жизни доверено! – привычка репетировать диспуты крепко въелась за годы учёбы, и Йан спокойно обращался с речью к молчаливым полям и небесам, к прыснувшему из-под куста зайцу и певчей птице. – Вершителю дал нам слово, чтобы нести мудрость людям, разгонять тьму невежества и строить храм истины в люд-

ских душах! На что мы пригодны... Кто больше всего знает о той же самой земле, из которой всё растёт? Мы! Кстати, о земле...

Йан выудил из котомки истрёпанный лист, рассмотрел и сунул обратно. Его карта заканчивалась аккуратно по границе с Ваймером. Спешно нужна бы новая, но где взять? Йан критически осмотрел кривобокие домики, расплзшиеся по холмам, и направился к невысокой деревянной церквушке. В таких местах единственный грамотный человек обычно – местный наставник.

В полутёмной церквушке ароматно пахло смолой и травами. У входа сидя дремал тощий мальчик-служка. Йан потрянул его и сразу перешел к делу:

– Мне нужен наставник, где я могу его найти?

– В город уехал, к больной тётке. За три дня вернётся. А вы кто?

– Купец. Обоз у нас... – Йан спохватился, что в таких случаях не молятся, а работают. – А плотник у вас есть? На дороге обоз стоит, в телеге ось сломалась.

– Не, плотник надесь помер, покоя ему при Вершителе...

– На всё воля Его... А у вас карта есть?

– Карда? Не... – служка опасливо покосился на Йана. – А чё это?

– Карта! Рисунок места, где вы живете... – Глаза мальчишки не спешили проясняться пониманием, и Йан разозлился. – Где нарисована ваша страна, города, посёлки, леса... Ты когда-нибудь в жизни карты видел?

– Не... – тупо сказал мальчик, плясь на Йана уже с опаской. – Дьяволицких штук не держим.

– Молодцы...

Йан хотел плюнуть в сердцах, но спохватился, что в церкви за это точно сожгут, и просто от души попотчевал недобрым словом темную и необразованную провинцию.

Выйдя из церкви, он спохватился, что так и не спросил о названии села, но возвращаться не стал, побрел среди оград, вяло размышляя о честности ваймерских крестьян. Возможно они, не чета нимуанским, не растаскивают дорожные указатели на дрова, не соблазняются мелочной выгодой заманить в свое село путника, сбитого с толку и вместе с ценными советами продать ему что-нибудь. Зачастую от щедрости покупателя зависело, по хорошей ли дороге он отправится или через волчью чашу. Но надеяться на подобную честность Йан не рискнул бы.

Ветер, гулявший над полем, донес обрывок звонкой девичьей песни. Йан глотнул воды из фляги, прикинул, что где голоса – там и целые девушки, и решил потратить остаток сил, двигаясь в их направлении.

За домами пошли низенькие общинные сараи, за ними пышные стога, а за ними и певунья.

Все неприятности разом вылетели у Йана из головы. Да и вообще все мысли.

Возле воза стояла статная девица, и, ловко орудуя вилами, перебрасывала на него сено из стога. У девицы были сильные руки, пышные волосы медового цвета, навевавшие мысли о пасеке и гудении пчел... И округлости столь значительных масштабов, что Йан засомневался – если ее обнять, сможет ли он сомкнуть руки у нее на спине? Эту задачу совершенно необходимо было проверить на практике, и Йан, подойдя поближе, заговорил:

– О прекрасная дева, подскажи, как называется та деревня, которую ты сейчас озаряешь сиянием своей красоты?

Девушка залиvisto рассмеялась, но ответила:

– Лопушки это. А почему ты так чудно говоришь?

– Я сказал то, что увидел, – долго плести велеречивые фразы Йану было скучно. – А как тебя звать?

– Биантарина, – девушка снова ухватила вилы, с такой энергией, что Йан даже попятился, и вонзила их в стог. – По-простому – Бина, значит.

– А меня Йан.

– Ты откуда такой чудной?

– Я странствую... – Йан запнулся, глядя на бюст, которому позавидовала бы любая придворная красавица.

– ...в поисках драконов и подвигов? Знаем, проходили, – насмешливо сказала Бина. – А в итоге находят драку в трактире и ящериц овраге, куда героя после драки выкинут.

– Еще чего, – обиделся Йан. – Драконов не существует, это любой образованный человек знает. А подвиги... Мне их и так хватает.

Видимо, он сказал это таким тоном, что Бина поняла: не шутит.

– Случилось что у тебя? – сочувственно спросила она, опираясь на вилы.

Йан махнул рукой. Не рассказывать же, что на родине его обыскали. Напугает еще девочку.

Он вздохнул и зашел с другой стороны:

– А кому ты грузишь сено?

– Так господину нашему, – Бина махнула мощной дланью в сторону, где смутно виднелся замок.

– Может, помочь тебе?

– Сиди уж, болезный.

Воспользовавшись моментом, Йан сбросил котомку на землю и растянулся на стогу.

– А не едет ли у вас кто-нибудь по Ваймерскому тракту? Мне бы подвезти.

– Только завтра уже, с рассветом. Ну-ка вставай!

Йан не дрогнул перед вилами:

– А не встану.

– Я кому сказала!

– Мне, бедному студиозу, который обречен ночевать в холодном поле. Лучше я буду заколот прекрасной девой.

Бина снисходительно усмехнулась и принялась загребать сено с другой стороны.

Солнце медленно тонуло в пыльном жарком мареве на горизонте. От теней повеяло лёгкой прохладой, но Йан прикинул, что ночка выдастся тёплая, и решил не проситься на ночлег в душный крестьянский дом. Бина же засобиралась – закинула вилы на плечо, оглядела напоследок стога, и в крайнем снова увидела хитрого улыбчивого паренька.

– Прекрасная дева! Не сжалишься ли ты над бедным путником, не вынесешь ли ему чуток хлеба?

– Вынести вынесу, но слова свои чудные можешь не тратить, – Бина нацелила вилы Йану на грудь. – Тронуть меня даже не пытайся.

– Ого! – Йан пригляделся к лицу девушки, озарённому последними лучами солнца, и оттого ещё более румяному. – Понимаю, охочих много... Не бойся, я только по согласию! Сам не люблю, когда на меня насакивают малознакомые женщины и что-то требуют!

Девушка хохотнула и ушла, но вскоре вернулась с хлебом, кринкой молока и пареными клубнями. Пока её не было, Йан интенсивно размышлял, и теперь, щедро поблагодарив, спросил:

– Бина! Я понимаю, когда пристаёт кто попало, это неприятно. Ну а если по любви? Неужто если придёт человек с открытым сердцем, ты и на него вилы наставишь?

– Ежели любовь, так он не на сеновал придёт, а к родителям, свататься. – Бина поколебалась, но всё-таки села рядом. Вил при ней уже не было, и Йан поздравил себя с маленьким успехом. – Чтобы честную девушку не обижать.

– А вот если бы я пришёл свататься – согласилась бы? Вдруг Вершитель не случайно нас свёл?

В сумерках уже трудно было разобрать выражение лица, но голос девушки звучал насмешливо:

– И кто ж ты такой? Поговору слышать – из Нимуанса. Если у тебя есть там дом, чего тут забыл? Я хочу, чтоб был дом, и детки, а не за проходимца какого.

– А если деньги и должность хорошая? Дом купим.

Бина откровенно развеселилась.

– Вот когда заработаешь свои деньги, тогда и приезжай. Только поспеши, ежели хочешь деву получить – у нас господин право первой ночи затевает.

– Н-да, на этого вилы не наставишь...

– Так что бывай, путник. – Бина встала, щедрым силуэтом загородив полнеба. – Не пропусти, на рассвете наши в Марцих едут.

Она уже давно ушла, а Йан, растянувшись на душистом сене, всё смотрел в ясное тёмное небо с редкими разноцветными вспышками на одном Вершителю достижимой высоте. Поселяне, как и большинство людей, боялись сполохов, называя их «дыханием Дьяволицы», но Йан любил эту зловещую красоту. В отличие от... «И кто ж ты такой?» – спросила Бина. Кто он, действительно? Так, путник, неприкаянный человек, который нигде не пропадёт, но которому и некуда вернуться. Отчий дом? Не смешно. Из такого же глухого посёлка, затерянного в перелесках Нимуанса, из такого же крестьянского дома он, мальчишка десяти лет от роду, сбежал в город.

В детстве, забившись на печь, он слушал и слушал сказки о дальних землях и подвигах, о людях со звериными головами и людях чёрных с головы до пят. Рассказы односельчан, возивших товар на столичный рынок, про дома во много этажей, про громадные храмы и соборы, про королевскую свиту, где сплошь господа в многоцветных одеждах, расшитых золотом... Слушал молитвы в сельской церквушке, где пелось про моря и глубины, небеса и таинственного Вершителя, и все запоминал сразу. А когда маленький Йан дорос до крестьянского труда и его стали гонять на работы в поле, на гумно, да смотреть за скотиной, да полоть сорняки, да стеречь птицу, да...

Сбежал, прикинувшись сиротинушкой, добрался до сказочной столицы. Побродил, диву даваясь на чудеса, которые оказались правдой, слушая прекрасную музыку в соборе. Просил милостыню там же, на ступеньках, дрался с другими мальчишками. На окраине прибился к наставнику при маленькой церквушке. Добрый старик, поражённый, что мальчик знает почти весь Песенник на память, взял в служки, выкормил, выучил грамоте и рекомендовал в колледж...

Ночная птица чиркнула крыльями по небу, заухала издевательски. Йан вздрогнул, очнулся от дремы. Учился он хорошо, но всё равно богослов из него получался никудышный. Когда речь шла о лёгких грехах, Йан предпочитал раскаиваться, чем избегать их совершения, и уже не раз ему намекали сокурсники и учителя, что кривая дорожка доведёт до беды. Вот и довела...

Из посёлка долетел запах вкусного кулеша, повернул мысли в новую сторону. Запрет на женщин и семью был, по мнению Йана, самым большим недостатком богословской стези. Конечно, Дьяволица тоже была женщиной, и вековое искусительство сидит в каждой из них, но такому искусству грех не поддаться!

«Получу сто карелей – и могу отказаться от богословия. Это и дом можно купить, а деньги в оборот... Можно и купцом заделаться!»

Похолодало, и Йан глубже зарылся в стог. Он любил бродячую жизнь и умел найти выгоды в любой ситуации. Но в холодную ночь каждая бродячая собака мечтает о тёплой конуре.

***

Из холмов и перелесков дорога выкатилась на широкую, до горизонта, равнину, по которой змеились две слепяще-голубые полосы – реки. Между ними, как руки навстречу, протянулись десятки протоков и каналов, образуя россыпь зелёных островов, распаханых под поля. Дорога, как третья река, разрезала поперёк первые две, направляя свой, людской поток к самому большому острову, увенчанному зубцами оборонительных башен.

Завидев город, Йан встрепенулся, как воробей, который с холодного двора влетел в нагретые сени. Наконец-то – толчея, смех и музыка, трактиры и соборы, здания в несколько этажей, одним словом – жизнь!

– От это уже Марцих, – возница махнул кнутом на башни, и тут же прикрикнул на Йана: – Слазь давай, поможешь втащить возы на переправу!

Природа надёжно оберегала жителей богатого города от жадных соседей. Обозы и путники несколько раз переправлялись через речные рукава на паромах. Лодочники боговали. Йан подумал было осесть здесь и зарабатывать перевозкой, но посмотрел на разбойную рожу ближайшего лодочника и раздумал – наверняка у них тут всё схвачено и поделено, глупому новичку перегрызут глотку за конкуренцию.

И сам Марцих напоминал зверя – высокий, мощный, он выпустил короткие лапы-мосты к ближайшим островкам, зорко глядя на въезжающих окнами башен. И даже мосты здесь были крытыми, с длинными рядами бойниц. Хотя, как припомнил Йан, вся эта оборонная система не спасла приграничный город от многократного перехода из рук в руки.

Телеги стали на досмотр. Йан быстро натянул свою мантию – студии любой страны не платили входную пошлину, попрощался с крестьянами и поспешил к воротам.

Изнутри город выглядел куда уютнее: белые дома с косыми деревянными вставками, чистые тротуары, густой дух пирогов повсюду. На площади народ развлекали бродячие артисты – один непостижимым образом жонглировал мечами, второй на ходулях шагал сквозь толпу, призывая не жалеть монет. День был торговый, народу на улицах толпилось много, нарядные, веселые. Из таверн слышалась музыка, и настроение у Йана, последнее время мрачное, поднялось. Наконец-то завершится его трудное многодневное путешествие, он получит деньги и заживет весело, не отказывая себе в мелочах. Йан купил затейливый восточный пирожок с мясом, узнал у торговки, где находится улица Веселых Кузнецов и отправился туда.

Квартал был зажиточный, с высокими просторными домами, что внушало надежду на заслуженную награду. Кузнецов и кузниц тут, правда, уже давно не было – наверное, название улице дали какие-то давние события. В пятом доме и вовсе обнаружился постоялый двор.

– День добрый, – обратился Йан к мужчине за стойкой – как водится, на первом этаже постоялого двора была таверна. – Подскажите, где мне найти мастера Юльриха?

– Юльрих? – озадаченно переспросил мужчина. – Нет, сейчас тут таких не останавливалось.

– Он должен здесь жить, давно уже, – сказал Йан и на недоуменный взгляд пояснил: – Мне дали адрес, что здесь можно найти...

– Нет, таких здесь нет, – уверенно сказал хозяин. – Я давно сдаю комнаты, Юльрихи может и попадались, но мастера они были или нет – не знаю, и съехали все. Может, адрес перепутали? – сочувственно спросил он, глядя, как Йан хватается за стойку.

– А... может, по соседству здесь есть... Нет? Точно нет?

Трактирщик помотал головой. Йан похолодел. Повисшая тишина обрушилась на него с силой приговора, зачитанного перед казнью.

– Выпить? – сочувственно предложил хозяин. Йан кивнул, но тут же спохватился, что, раз денег не будет, надо беречь остаток вдвое против прежнего.

– Спасибо, нет, – со вздохом сказал он и вышел на улицу.

Радости как не бывало. Йан зашел за угол, достал и перечитал записку. «Друг мой, надеюсь ты здоров и цел. Передаю тебе вещь, изящество которой равно ее внутреннему смыслу –

используй ее теперь ты для своих добрых нужд». Ни имени, ничего конкретного. Может, он забыл или перепутал адрес? Нет, в своей памяти Йан был уверен, годы учёбы натренировали. Он чувствовал себя ужасно. Столько трудов, волнений, беготни, риска – всё зря! Он не получит денег... Да и Дьяволица с ними, но у него на хвосте же сидят преследователи – чокнутые маги и вся Церковь!

Дальнейшее время он потратил, обходя улицу Веселых Кузнецов. Один Юльрих все же нашелся – девятилетний карапуз, который никак не подходил на роль получателя зловещей вещицы.

Убитый новостями наповал, Йан мрачно плелся куда глаза глядят. Больше не радовали ни музыка, ни нарядные улицы, ни улыбки молоденьких горожанок. В голове бился только один вопрос – что теперь делать?

Солнце перевалило за полдень. Йан принюхался, на ароматы жаркого и свежего хлеба зашёл в просторный шумный трактир. После солнечной улицы здесь казалось полутемно, в воздухе колебался сизый дымок, к запахам кухни прибавился сильный хмельной дух. Со всех сторон по столам гремели ложки и кружки, по полу стучали сапоги нетерпеливых клиентов. Гости Марциха обедали.

Йан подсел к компании достаточно весёлой, чтоб принять чужака, но не настолько пьяной, чтоб затеять с ним драку. Сходу уцепил подавальщицу за пояс фартука (хотел прихватить ниже, но опытная девица увернулась), заказал птицу, жареную с багряными клубнями и две кружки хмеля.

Мужчины за столом увидели, что гость не собирается клянчить и халявничать, и приветливо подняли кружки.

Каждый в этой компании был чем-то примечателен. Возле Йана сидел одноглазый, но очень весёлый парень, при каждой улыбке выставляя редкие зубы. Несмотря на такой недостаток, его тарелка уже была пуста. За щербатым сгорбился над тарелкой красноносый, одутловатый мужчина, из его кружки разлило не пивом, а явно чем покрепче. Напротив сосредоточенно поглощал двойную порцию силач, руки которого были толщиной с бедро Йана. К силачу, как выюнок к дереву, прильнула девушка, тоненькая и светлая, очень хрупкая – но с такой защитой ей никакие приставалы не были страшны. Йан заподозрил, что вторая порция крепыша – это её тарелка.

Наискосок от Йана возвышался тощий и такой долговязый парень, что казалось, будто он не сидит, а стоит. Лицо его было смутно знакомым, и Йан, наконец, припомнил – это он на ходулях развлекал толпу.

– Вы бродячие артисты?

– Точно, – поддакнул одноглазый. – Видал наше выступление?

– Да, здорово! – искренне ответил Йан, и вспомнил, что его собеседник жонглировал мечами. Тогда понятно, куда делся глаз и половина зубов, эдакому искусству пока научишься... – Вы давно тут? Я первый день вообще, города не знаю, что тут да как...

Они выступали уже почти месяц. Йан, с аппетитом поглощая птицу с клубнями, между тем выспросил, что слышно в городе. Творилось много чего – и рыцари сражались, и купца грабили, и красна девица топилась из-за любви, но не слишком рьяно, спасли болезную. Росли цены на хлеб, совет города выдумал новую пошлину – в общем, ничего такого, что напоминало бы историю студюза, никаких ведьм.

– А ты чего приехал? – любезно спросил тощий.

– Да я... – Йан запнулся, стремительно обкатывая в голове приемлемую версию. – Решил гонцом поработать, письмо вёз, приехал сюда – а по адресу таких нет. И не было никогда. Кто мне теперь заплатит, что делать?

– Может, напутал чего? Нет? Эх, да, обидно. Ну поспрашивай, может, ещё найдётся.

Жонглёр хитро подмигнул уцелевшим глазом.

– Кабы был ты грамотный, мог бы прочесть да понять, кому чего. Мы б помогли, да сами не учёные.

Девушка глядела на Йана так сочувственно, что силач ревниво закричал. Погладив его по мясистой руке тонкой ладошкой, она прошептала:

– Поищи грамотного человека, чтоб прочел.

– Спасибо! – Йан потупился, чтоб не встречаться взглядами с ревнивым силачом. Две кружки хмеля уже плавали в голове, третья стояла перед ним. Поискать... Что это за нож? Кому он тут мог быть нужен? Разве только ведьмам да колдунам... Ещё Церкви, конечно, но они точно не отпустят человека, доставившего такую странную штуку.

Знать бы, для чего этот нож. Явно не только чтоб резать бумагу. Колдовские пути ему по силам, и как знать, что ещё?

– Эй, горе-гонец, ты заснул чтоль? – одноглазый так ткнул Йана в бок, будто проверял, нельзя ли и им пожонглировать.

– Нет, я...

– Ночевать есть где?

– Пока не придумал. А вы как остановились?

– Да мы в своём фургоне, и дешевле, и добро под боком, надёжней. Если не найдёшь ничего – валяй к нам, да, ребят?

Артисты одобрительно закивали.

– Отчего не приютить хорошего человека. Он хороший, Дилекти?

Девушка, которую назвали Дилекти, улыбнулась и кивнула.

– Она у нас людей видит насквозь, – гордо объявил долговязый.

– Спасибо, друзья! – Йан поднялся, качнулся и внёс коррективы в свои движения. – Пойду искать дальше...

– Давай, проветришь! Удачи тебе, парень!

Йан вышел из трактира и удивлённо заморгал – неужели просидел до вечера? Но нет, просто голубое небо затянули пепельные тучи, задул крепкий свежий ветер, подгоняя небесную рать, сбивая в хмурое клубящееся воинство.

О ноже могли знать только колдуны. Может, они слышали и об адресате. Значит, надо найти мага или какую-нибудь ведьму, хоть самую запропащую, наверняка они тут есть, они везде есть, и поговорить.

Идея была дьяволицки бредовой и пахла хмелем выпитого пива. Месяц назад Йан с ужасом отшатнулся бы от подобной затеи – искать богопротивных мерзких тварей, иметь с ними дела! Но события заставили очень быстро пересмотреть взгляды. С ведьмой можно было говорить. Он даже смог от неё отбиться и сбежать. Значит, не такие уж они и страшные.

А кроме того, очень уж хочется получить обещанные деньги.

Глава 6

Подковы коня звонко цокали по мостовой Марциха. Йера покачивалась в неудобном женском седле, пытаясь одновременно ехать, думать и выглядеть приличной дамой. Получалось плохо. Всё утро она в лесном шалаше занималась трансмутацией драгоценностей и местных денег, а на закуску начаровывала себе два комплекта модной одежды богатой дамы. Чёрное, с кружевами, да с жемчужным шитьём, да с таким же расшитым головным убором... Теперь каждую жилочку в теле ломит, будто два дня землю копала, руки вообще как вывихнутые, так и до магического надрыва недалеко. Ещё и пришлось внепланово колдовать против разбойников, польстившихся на одинокую путешественницу в драгоценностях. Придурки. Конечно, чтобы они попадали, задыхаясь от сдавившей горло невидимой петли, достаточно было пары шелчков, но силы надо беречь.

Наконец Йера сдалась, натянула поводья и соскользнула с коня на мостовую. Здесь, судя по облезлой отделке фасадов, жили небогатые горожане. Почему прохожие пялятся на неё чуть сильнее, чем обычные зеваки? Платье и обувь в порядке...

– Я – богатая, знатная дама, – под нос произнесла Йера, потирая запястья. – То есть, должна ею стать. Чего мне не хватает?

За спиной ведьмы послышался стук деревянных башмаков, приблизился и затих. Женский, чуть хриплый голос робко произнёс:

– Госпожа...

Обернувшись, Йера увидела молодую женщину в простой льняной одежде – знак низкого сословия. Женщина обеими руками держала огромную корзину свежевystиранного белья.

«Точно, слуги!» – в затуманенном усталостью мозгу словно прояснилось. «Эти курицы же вечно таскают с собой служанок, платья, ещё и охрану...»

Под тяжёлым пристальным взглядом прачка ещё сильнее смутилась.

– Госпожа, не могли бы вы... мне нужно пройти, а ваш конь...

Йера осмотрелась и сообразила, что конь перегородил вход в дом. Дёрнула скотину за повод, не сводя взгляда с собеседницы.

– Как тебя зовут?

– Викара, госпожа. – Девушка остановилась перед дверью, перехватила корзину поудобнее.

– Ты прачка?

– Да...

– И как, нравится?

– Не жалуемся.

– Заштопанное платье, синяки... Бьют, платят копейки, замуж никто не зовёт? Да, жаловаться бессмысленно.

Девушка шмыгнула носом, глаза враз покраснели.

– А вы... вам-то что?!

– Хочу тебя нанять, – без обиняков предложила Йера. Девушка ей нравилась всё больше. Скромная, но может постоять за себя. – Мне нужна служанка. Плата... Скажем, десять нимуанских нимесней в месяц.

Слёзы на глазах прачки моментально высохли. Насколько знала Йера, такие девчонки и четырёх серебряных монет в месяц не видели. Однако она колебалась.

– Вы из Нимуанса приехали, да? Поговору слышно. А где другие ваши слуги и карета?

«Дьяволица, ещё и карета!» – Йера запнулась, спешно изобретая версию, почему знатная дама не окружена раболепными лентяями.

– На меня... На нас напали недалеко от города, в лесу. Всех убили, а мне удалось умчаться на лошади моего... брата, пока он прикрывал меня...

Теперь Йера хлюпнула носом, надеясь, что после многочасового колдовства выглядит достаточно замученной.

– О, госпожа! – Прачка потопталась на месте. – Я согласна, сейчас, только отнесу бельё... И соберусь...

– Предупреждаю – я королевская посланница, так что мы скоро уедем отсюда, и надолго. Или тебя что-то здесь держит?

– Нет, все родные давно от чумы умерли. Я быстро!

Йера задумчиво смотрела вслед прачке. Если бы не магия, они обе были бы в одном сословии. И ей, Йере, пришлось бы так же тяжело работать на богатых заносчивых господ, искать мужа, не сметь даже заглядываться на дворян.

Тесная каменная улица без единого деревца словно затуманилась, отдалилась. Перед мысленным взглядом ведьмы возникли зелёные перелески, стремительный ручей, отцовская мельница. Жили небогато, работали от зари от зари. Родители баловали чернокудрую красавицу-дочку, покупали на последние медяки ленты в косу и прочили ей доброго мужа, может, даже знатного. Девочка была не против, бегала к дороге, высматривая проезжих рыцарей. Она знала, что уж если кто понравится – не только румяными щеками и улыбкой она может привлечь.

Если надо, она может и коня остановить, и ветер позвать и ещё много чего. Подружки рассказывали страшные истории про колдунов, и многое из тех баек она могла бы исполнить. Надо только исхитриться и словно дёрнуть за ниточку. Никто так не может, только она!

И вот как-то раз через деревню ехал знатный господин со свитой – лошади в бархатных чепраках, рыцари в латах, с огромными перьями, а сам он в алой баронской мантии, расшитой золотом. Господин заметил миленькую поселянку тринадцати лет, и попросил отвести коня к ручью, напиться. Но у ручья, когда они остались одни, вместо любезностей грубо накинулся на девушку.

Пока барон разрывал нижнюю юбку, Йера вскинула руку и вцепилась в ту нить, что висела к его горлу. И держала до тех пор, пока хрипящее тело знатного господина не затихло.

Тогда она даже не рассуждала, может ли вернуться в деревню, видели ли слуги барона, с кем и куда он ушёл, поймут ли, что его убило колдовство, а не солнечный удар... Девчонка просто пустилась бежать сквозь родные перелески.

Прятаться по деревням глупо – все друг друга знают. Пришлось добежать до города, а оттуда до столицы, где больше работы. И то, воровать бы ей пирожки на рынке до первой и последней встречи с «пауком»-дознавателем, если бы не Пряха...

– Госпожа?

Йера вздрогнула, обернулась. Перед ней стояла Викара с тощим узелком своих пожитков, и сочувственно хлопала глазами. Ведьма не сразу сообразила, что девушка жалеет её из-за рассказа о нападении разбойников и разозлилась на себя. Десять лет не бредила эти воспоминания, а тут вдруг накатило! Усталость, не иначе. Или слишком много людей после стольких лет затворничества.

Новая служанка продолжала:

– Где вы остановились? Госпожа...

Ведьма опять запнулась. Что ж, в прошлой жизни она долго жила, скрываясь, под фальшивым именем – пусть теперь, наконец, прославится настоящее.

– Госпожа Йеринда. Показывай дорогу к знатым особнякам.

***

Раз в гербе нет паука – значит, наставники с Даром исключаются, они обязаны его размещать. Хоть какой-то толк от церковных законов. Змея, зеркало... Обычные условности, а вот шлем и косая перевязь – то, что надо. Сочетание родовых гербов с помпезной архитектурой здания, которое они украшают, не подведёт. Хозяин этого дома одновременно и богат, и знатен, а значит, вхож в лучшие дома. Что ей и требуется.

Крес может гордиться. Магических способов запоминания пока не придумано, а заставить Йера вы зубрить всю геральдику было нелёгким делом.

Пока ведьма разглядывала кованую решетку пышного особняка, украшенную гербами, вернулась запыхавшаяся Викара и зачастила:

– Я доложила о вас, и господин городской судья с радостью просит...

За оградой появились слуги, а за ними, пыхтя и переваливаясь с ноги на ногу, ковылял не старый, но уже тучный и седой мужчина в нарядном тёмно-зелёном костюме с пурпурным поясом.

– Как, говоришь, его зовут? – Йера передала служанке поводья, окинула взглядом платье, машинально поднесла руку к лицу и ощутила болезненный укол в пальцах. Хорошо, что догадалась сплести схему! Иначе хороша же сейчас была бы знатная дама, от волнения грызущая ногти.

– Господин Мрреа.

– Женат?

– Вдов несколько лет.

– Великолепно. То есть, конечно, печально...

Викара понимающе хихикнула.

Слуги распахнули ворота, приняли коня и подхватили седельные сумки. Сам хозяин, увидав, что гостя молода и хороша собой, с энтузиазмом распахнул объятия. Господин судья на работе был чрезвычайно строг и подозрителен, но он ведал лишь луфовскими делами, и богатые украшения гостя усыпили его бдительность.

– Дорогая Йеринда! Рад приветствовать нимуанскую посланницу! Сочувствую вашему горю...

– Благодарю за участие, господин Мрреа, я бесконечно тронута и признательна...

Йера потупилась и перешагнула порог. Шаг не просто в богатый дом – в новую жизнь, возвращение в высшее общество. Теперь одна забота: чтобы это общество луфов не догадалось, что среди них затесалась ведьма. В этот раз всё должно закончиться иначе.

Её мозг словно разделился надвое. Одна половина любезничала с главным городским судьёй, выпрашивая о событиях в городе, первых лицах и ближайших приёмах. Вторая вспоминала, как ведьма впервые попала ко двору нимуанского короля. Пряха научила её не просто дёргать за нити, а плести сложное, тонкое колдовство, а ещё манерам и носить неудобные, давящие модные платья. В тот раз Йера поменяла имя, цвет волос на соломенный и попыталась устроить свою жизнь...

– Ваши покои, госпожа Йеринда. Так вы почтите своим присутствием сегодняшний ужин в ратуше?

– Непременно, дорогой Мрреа. – Йера улыбнулась ему почти что искренне. Повезло, что попала к ужину, меньше времени будет потеряно. – Только у меня больше нет кареты. Не будете ли вы так любезны...

– Все мои кареты в распоряжении дражайшей гостьи!

– Сердечно благодарю. Позвольте мне отдохнуть с дороги?

Оставшись одна, Йера обошла свои комнаты, размышляя о том, согласится ли судья продать карету за часть её драгоценностей. Ей предстоит долгая дорога в роли знатной дамы... И надо найти кучера. Сманить какого-нибудь мальчишку, которому хочется путешествий.

Ведьма ощупала стены, гобелены, картины и занавески, проверяя, нет ли здесь скрытых глазков для подглядывания и тайных проходов. Не нашла, выдохнула и повернулась к распахнутому окну.

Руки ещё ломит, но не беда, от такого простого колдовства она не должна надорваться. Йера нашла взглядом на небе тучи, вдохнула холодный ветер и закрыла глаза. Затем зацепила рукой незримую простым людям струну ветра, выющуюся к облакам.

***

Ну почему когда не надо, за ним гоняются толпы желающих побеседовать! А как только надо ему – все пропадают тотчас. Йан бродил по улицам, заглядывал в лавки и трактиры, нарочито медленно прошёлся по главным улицам и рискнул прогуляться по тесным сомнительным переулкам, где, несмотря на законы о чистоте, разило отхожим местом и рыбными очистками, но нигде никто не обращал ни малейшего внимания на одинокого студюоза в поношенной мантии.

Впрочем, один собеседник всегда есть у любого человека.

– Боже всеблагой Вершитель, ты издеваешься, – констатировал Йан, подняв голову к небесам. Оттуда вместо ответа резко хлынул дождь – будто конь по щелчку бича сорвался вскачь. Йан не успел оглядеться в поисках укрытия, как уже промок.

– За что?!

Вопрос был риторическим – Йан прекрасно помнил Священный Текст: «Кары Вершитель ниспосылает тому, кто нарушит Великий Порядок. Грешник есмь тот, кто дерзнёт против законов пойти».

Грешков у него было много, но главный не вызывал сомнений – этот распроклятый нож. Пожадничал, захотел денег, и вот – связался с ведьмами, слугами Дьяволицы, уже и ищет их сам!

«Но раскаянье да укажет грешнику путь праведный».

– Каюсь, честное слово, а, Вершитель?

Ливень не стихал. Йан вернулся на центральную улицу, прошёл мимо запертых уже лавок, перескочил через пенящийся шумный водосток и очутился на площади, перед главным собором Марциха. Пока ещё недостроенный, без длинных узких шпилей, но уже впечатляющий размером и отделкой – лучшие мастера страны украшали его скульптурами легендарных наставников, королей и всяких мерзких тварей Дьяволицы – собор уже принимал паству. Из-за приоткрытых тяжёлых дверей звучала небесная музыка, и студюоз поспешил ей навстречу.

Йан любил соборы. Высокие, как истина выше земной суеты, прекрасные, как полёт молитвы к небу – даже не верится, что они сложены из грубого камня. И внутри всё другое, цвета светлей и мягче, и звуки чище, будто ты уже и не на грешной земле, а у порога светлого царствия Вершителя, что наступит, когда все люди заживут без греха. Именно так он чувствовал себя, когда впервые забежал в главный Лестецийский собор, спасаясь от городских мальчишек, да так и встал, забыв обо всём, задрал голову. И тут грянул орган, как глас Вершителя, как чистое чувство восхищения... Мальчик тогда решил, что это знак свыше – и его судьба идти церковной стезёй.

Сейчас он подумал, что, верно, по малолетству не так истолковал этот знак, и Вершитель наоборот, гнал его, нечестивца, подальше. «Яснее надо было говорить, Всевышний. Вон сколько дров я уже наломать успел» – усмехнулся про себя Йан, и, осенив себя святым знаком, опустил на молельную скамью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.